

ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ
НА ПУТИ ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

О.В. Зимина, А.И. Кириллов

ОТ ДРЕВНЕЙ РУСИ
ДО СОВЕТСКОЙ РОССИИ

16+

Ольга Зимина

**Образование, наука и
просвещение на пути из
прошлого в будущее: от Древней
Руси до Советской России**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Зими́на О. В.

Образование, наука и просвещение на пути из прошлого в будущее:
от Древней Руси до Советской России / О. В. Зими́на — «ЛитРес:
Самиздат», 2017

Деятельность в области образования, науки и просвещения (а также, здравоохранения) – самая важная, поскольку именно она нацелена на совершенствование самих основ существования и развития общества и на улучшение жизни людей. Поэтому история того, как в России образовывали и просвещали людей и как в ней развивалась наука – это главное, что нужно знать, чтобы понимать настоящее и предвидеть будущее нашей страны. В книге рассказано, как наши выдающиеся соотечественники старались возвышать народ, образовывая и просвещая его, и о том, кто и как им мешал, чтобы сохранить деспотическую власть.

Содержание

Предисловие	5
Введение	11
Г л а в а 1	19
1.1. Древняя Русь в IX–XIV вв.	20
1.2. Русское государство в XV–XVI вв.	30
1.3. Русское государство в XVII вв.	37
Резюме	47
Г л а в а 2	52
2.1. Эпоха Петра I	54
2.1.1. Детство и юность Петра	54
2.1.2. Знакомство с европейской цивилизацией	56
2.1.3. Организация светского образования	57
2.1.4. Просветительские начинания Петра	59
2.1.5. Последнее десятилетие	61
2.1.6. Петербургская академия наук	62
2.1.7. Петровские реформы и церковь	64
2.1.8. Итоги просветительских начинаний Петра	66
2.2. После Петра до Елизаветы (1725–1741 гг.)	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Предисловие

Во всех человеческих делах прежде всего достойны изучения истоки.

Ж.Э. Ренан

Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики.

М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»

Книги о воспитании, образовании и просвещении^[1] интересно, полезно и, по нашему мнению, необходимо читать и притом читать всю жизнь.

Читать такие книги необходимо, ибо написаны они о самом главном стремлении всего живого – о стремлении учиться и учить. Казалось бы, стремление к продолжению рода сильнее. Но чтобы род продолжался, мало рожать детей. Нужно еще, чтобы они стали наследниками всего накопленного в роду опыта, а для этого их нужно учить, а они должны учиться.

Заметим, что среди всего живого человек выделяется особенно сильным стремлением учиться, порождаемым любопытством. Поразительно, мотивом сколь многих наших поступков и действий оно является.

Учение можно понимать как процесс удовлетворения любопытства. Но для человека это не единственная мотивация к учению. Есть и другая, не менее сильная. Она связана с нашей эволюцией.

Дело в том, что условия существования человека изменяются быстрее и сильнее, чем у других живых существ, из-за изменений в устройстве общества. Такие социальные перемены вынуждают нас постоянно чему-то учиться: то использованию компьютеров, мобильной связи и бытовых приборов, то новым видам профессиональной деятельности, то участию в жизни общества и т.п. Не потому ли мы не любим перемены, что они вынуждают нас учиться, а это утомляет? Но если они неизбежны, то мы должны иметь оптимальные способы приспособляться и, в частности, широкие возможности учиться жить по-новому. Общество наилучшим образом развивается только тогда, когда люди активно участвуют в его совершенствовании, а это нужно уметь делать – следовательно, этому нужно учиться.

Многие могут не согласиться с тем, что, как мы написали выше, книги о воспитании, образовании и просвещении интересны, и отложить эту книгу, поскольку читать о любви, приключениях или детективы им интереснее. Но это лишь потому, что такие книги писать и читать легче. На самом деле в обучении происходит очень много увлекательного, ведь школа и вуз являются моделями общества, причем настолько адекватными, что в них протекают аналогии всех важнейших процессов человеческого бытия, выявляются характеры, разыгрываются драмы и комедии. К тому же в любой образовательной деятельности люди проявляются гораздо полнее и откровеннее, чем в какой-либо иной. Наблюдая за такими проявлениями, мы учимся распознавать подлинные мотивы высказываний и поступков, а также ложь и демагогию.

Благополучное существование человека, семьи и общества возможно только тогда, когда люди умеют вовремя и с надлежащим качеством решать проблемы, которые ставит перед ними жизнь. Для этого им необходимы способы и приемы деятельности, образцы и нормы поведения, обычаи, мировоззрения, верования, ценности и т.п. Все это составляет духовную культуру. Она хранит особую часть исторически накапливаемого опыта.

Развитие культуры, ее использование для решения проблем и передача опыта от поколения к поколению – важнейшая функция семьи, общества и государства. Для исполнения этой

функции в обществе создаются и совершенствуются более или менее структурированные и управляемые системы воспитания, образования и просвещения.

Если люди не владеют культурой, то в их сознании легко могут воцариться ложные представления об окружающем мире и обществе, об их истории и закономерностях развития. Тогда они теряют способность бороться с наступлением хаоса, т.е. беспорядка во всех формах его проявления. А ведь борьба с хаосом – фундаментальное свойство и роль живой материи. Делает она это с помощью так называемых антиэнтропийных процессов. В них важную роль играет информация. Она содержится в генетических кодах и в так называемых социокодах, хранимых и развивающихся в культуре (подробнее см., например, статью «Культура» в [135]).

Беспорядок в умах быстро приводит к экономическому кризису и потере управляемости страной. Поэтому те исторические деятели, которым удавалось выводить свои страны из тяжелого социально экономического положения, первыми же своими распоряжениями предписывали улучшение образования. Более того, те правители, которых называют «великими», так или иначе, радели об образовании и просвещении своих подданных, а другие, сколько бы военных побед они ни одерживали, сколько бы ни присоединяли территорий, – как «великие» в историю не вошли. Потому что величие не в том, чтобы унижать других, а в том, чтобы возвышать своих граждан, и нет других подлинных средств для такого возвышения, кроме образования и просвещения.

Поскольку проблемы воспитания, образования и просвещения касаются всех, неудивителен широкий и постоянный интерес общественности к этим проблемам. Родители хотят знать, чему и как учат в школе их детей. Профессиональные сообщества и работодатели проявляют все большую озабоченность содержанием и качеством обучения в вузах и техникумах. На страницах газет и журналов, в радио- и телепередачах идут дискуссии на темы образования. Участники этих дискуссий – ученые, преподаватели, родители – сходятся в том, что качество обучения у нас во многом неудовлетворительно, и высказывают разнообразные идеи, как его улучшить. Чтобы понять эти идеи и оценить возможность и последствия их реализации, нужно знать основные педагогические концепции, закономерности учебного процесса, структуру и принципы функционирования образовательных систем. Но где почерпнуть нужные сведения? Казалось бы, на страницах книг, журналов и сайтов Интернета. Но мы не нашли в них удовлетворительных ответов на многие существенные вопросы, как например, такие:

- Какие смыслы вкладываются в понятия «воспитанный человек», «образованный человек», «просвещенный человек»?
- Что такое качество населения и чем оно определяется?
- Как благополучие общества и его членов связано с качеством населения?
- Что такое прогресс? Какая от него польза? Какой от него вред?
- Как прогресс общества зависит от просвещенности его членов?
- Зачем «гуманитариям» нужны естественнонаучные знания, а «технарям» – гуманитарные?
- Должно ли государство заниматься воспитанием?
- Каковы ступени образования? Каковы цели и задачи каждой ступени?
- В какой мере и на каких ступенях допустима профессионализация (профилизация, специализация) образования?
- Каковы роль, цели, задачи и содержание общего образования?
- Каковы цели просвещения?
- Какие институты (государственные, частные, общественные, религиозные) должны заниматься просвещением?

Выходит, что эти вопросы очень трудные. Но не зная ответов на них, граждане нашей страны вряд ли смогут наладить свою жизнь, как личную, так и общественную, в соответствии со стандартами XXI века. Думается, что в сложившихся условиях следует изучить мысли и

дела великих деятелей прошлого, сформулировать их заветы и выделить то, что не утратило актуальности.

Мы пишем о борьбе идей и главное – о людях: ученых, педагогах, просветителях – героях и жертвах этой многовековой борьбы. Почти никакая из концепций, относящихся к воспитанию, образованию и просвещению не стала общепринятой и утвердившейся на долгие времена. Поэтому их можно трактовать только в развитии, т.е. выяснять, как в течение многих столетий изменялись представления о воспитании, образовании и просвещении и формировались общественные институты для их реализации. Заметим, что в данном случае исторический метод не только адекватен предмету исследования, но и дает результаты, наиболее удобные для восприятия широким кругом читателей, поскольку, как писал выдающийся французский историк и герой Сопротивления Марк Блок (1886–1944), «...в отличие от других, наша цивилизация всегда многого ждала от своей памяти» [20, с. 56].

Эта книга – плод наших исследований тех событий и исторических процессов, которые повлияли на развитие образования и просвещения. Выяснилось, чтобы не упустить что-то существенное, в таких исследованиях нужно стараться как можно меньше и реже выходить за пределы культурного опыта исследователя. Поэтому мы ограничиваемся изложением истории той части отечественного образования и просвещения, которая развивалась на русском языке.

Наибольшее место в книге заняло все, что относится к образованию, меньшее – к просвещению, поскольку оно возникло много позже.

Воспитание зародилось гораздо раньше образования, но его история бедна событиями, поскольку очень долго (в России практически до середины XIX в. проблемы воспитания и образования не разделяли, и было мало людей которые занимались бы только (или преимущественно) воспитанием и не занимались образованием (хотя бы начальным). Поэтому проблемы воспитания заняли сравнительно малую часть нашей книги, и слово «воспитание» не вошло в ее название.

С XVII в. стала развиваться та наука, которую мы знаем теперь. С тех пор образование и наука были призваны идти рука об руку. Но их должному взаимовлиянию ставились многие преграды, и даже сейчас нельзя сказать, что научные достижения своевременно и адекватно отражаются в образовании, а образование готовит таких исследователей, которых требует наука. Тем не менее, она оказывает заметное влияние на образование и просвещение. Это влияние описано во многих разделах нашей книги, и слово «наука» вошло в ее название.

Мы надеемся, что в нашей книге

- учащиеся и их родители найдут подходящие им точки зрения, с которых они смогут оценивать все, что происходит в школе или вузе, и формулировать обоснованные требования к улучшению образования;
- любители истории не только узнают о важных процессах и замечательных людях, о чем мало говорится в нашей популярной и даже учебной литературе, но и откроют для себя нечто новое в том, что многим представляется хорошо известным;
- преподаватели школ и вузов, если их не в полной мере удовлетворяет существующее положение, смогут лучше понять причины этого недовольства, а также использовать некоторые общие положения и конкретные методические рекомендации великих предшественников;
- историки образования обнаружат некоторые новые (или забытые ими) факты и закономерности развития педагогической теории и практики обучения;
- ученые-дидакты, методисты, студенты и аспиранты педагогических специальностей прочитают что-то, созвучное их размышлениям, заинтересуются какими-то идеями и попытаются их развивать или критиковать, вдохновятся на новые исследования и педагогические эксперименты.

Мы надеемся также, что наша книга окажется полезной не только читателям, так или иначе связанным с образованием, но и всем тем, кто интересуется историей российского обще-

ства, биографиями наших выдающихся соотечественников, а также сутью и генезисом их идей. Нам представляется, что в книгах об истории неоправданно много места отведено деятельности царей и войнам в ущерб фактам из жизни общества. Хочется, чтобы утвердилось понимание того, что страна – это одно, а ее государство – совсем другое. История страны гораздо богаче деятелями и событиями, чем история ее государства. Поэтому трудно себе представить, что одна или даже несколько книг могут объять все аспекты истории страны, особенно такой, как Россия. В нашей книге мы пытаемся описать лишь то, что связано с историей образования, науки и просвещения.

При написании книги мы использовали информацию из очень многих источников. В ряде случаев эта информация достоверная, исчерпывающая и ее легко найти. Тогда мы приводим лишь основные результаты, полагая, что их достаточно при первом чтении. В некоторых других случаях выяснилось, что приводятся сведения, которые не являются достоверными. Мы старались проверять всю ту информацию, которая играет существенную роль в книге. По разным причинам не всегда удавалось добиться уверенности в ее достоверности. Поэтому мы приносим извинения нашим читателям и надеемся, что они простят нам невольные пробелы и ошибки. Электронная версия этой книги будет постоянно уточняться и пополняться.

Мы не ставили своей целью изложить сформировавшиеся в ходе нашего исследования представления о закономерностях и целях развития педагогической науки и практики и описать пути их развития в XXI в. Для этого существуют научные журналы. Нашей целью было предложить читателю материал для осмысления философско-педагогических идей великих деятелей прошлого и для определения тех трудных, но таких необходимых шагов, которые должно сделать наше общество, чтобы российские системы образования и просвещения смогли решать те задачи, которые перед ними ставят вызовы XXI века. При этом в качестве основного критерия оценки достоинств и недостатков российского образования и просвещения мы предлагаем взять то, как они способствует повышению качества населения.

Книга содержит Предисловие, Введение, пять глав, Заключение, Приложение, Библиографический список и Именной список.

Во Введении раскрывается смысл каждого из основных понятий (обучение, воспитание, образование и просвещение). Для этого исследуются отношения, в которых они находятся друг с другом. Эти отношения возникали и изменялись в ходе исторического процесса вместе с тем, как развивалось воспитание и образование – виды деятельности, порожденные и сформировавшиеся биологической и позже социальной эволюцией. Обсуждаются вопросы, связанные с содержанием и методами обучения и воспитания, а также роль образования и просвещения в развитии общества.

Первая глава посвящена истории образования и просвещения в донпетровской Руси IX – XVII вв.). Мы выясняем уровень грамотности населения, количество школ и содержание даваемого ими образования, анализируем воздействия государства и церкви, а также другие факторы, влияние которых тормозило или ускоряло развитие образования и просвещения.

Во второй главе мы констатируем, что к концу XVII в. на путях развития многих институтов Российского государства обнаружились тупики. Коренная смена этих путей неразрывно связана с именем Петра I и его преобразованиями, затронувшими все стороны жизни российского государства и общества. Мы анализируем те из них, которые относились к образованию, науке и просвещению. Значительное место отведено М.В. Ломоносову и его роли в развитии российской науки, образования и просвещения. Затем мы пишем о периоде «просвещенного абсолютизма», в России неразрывно связанном с правлением Екатерины II. В эти годы формировалась новая когорта просветителей, в числе которых были И.И. Бецкой, Е.Р. Дашкова, Н.И. Новиков, Д.И. Фонвизин, А.Н. Радищев, и мы подробно описываем их деятельность.

Третья глава посвящена первой половине XIX в. Тогда Пушкин полагал, что Россия может «в просвещении стать с веком наравне». Верна ли эта оценка? Насколько справедливым

будет считать, что в первой половине XIX в. Россия делала большие шаги по пути образования и просвещения? Факты, изложенные в этой главе, и их анализ позволят читателю дать свои ответы на эти вопросы.

В четвертой главе речь идет о второй половине XIX в. С точки зрения на историю, которая принята в нашей книге, начало этого времени ознаменовали Манифест Александра II от 19 марта 1856 г. и широкая общественная дискуссия по проблемам образования.

В Манифесте впервые прозвучал призыв к просвещению: «да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности». В связи с обсуждением проблем образования мы уделяем особое внимание статье выдающего хирурга Н.И. Пирогова «Вопросы жизни». Она была напечатана в «Морском сборнике» в июле 1856 г. и стала сенсацией, ее обсуждали всюду, многие журналы публиковали выдержки из статьи и отклики на нее, вышли ее переводы на немецкий и французский языки.

В ряду Великих реформ (крестьянской, военной, судебной и др.) реформы среднего и высшего образования были одними из наиболее успешных и имевших долговременные последствия, несмотря на контрреформаторские усилия власти и некоторых слоев общества. Мы пишем о действиях противников реформ, анализируем причины их успехов в том, чтобы повернуть движение страны вспять, и последствия этих действий.

Для описываемого периода характерно, что борьба за школу и просвещение шла между властью и обществом. В этой борьбе, может быть, впервые в российской истории ведущую роль играли не правители и министры, а ученые, литераторы, педагоги, земские деятели – люди новой России, готовящейся стать «вровень с веком». Многим из них мы посвятили значительную часть четвертой главы и отдельную книгу [75].

В пятой главе речь идет об образовательной политике государства и деятельности общества на рубеже XIX–XX вв. Мы выясняем, в какой степени политика государства отвечала образовательным потребностям развивающегося российского капитализма, что способствовало и что препятствовало ее реализации, а также насколько эффективными были предпринимаемые меры. Вместе с тем большое место занимает описание образовательной и просветительской деятельности наших выдающихся соотечественников и зарождавшихся институтов гражданского общества.

Мы пишем о том, как создавались театры, музеи и художественные галереи, устраивались выставки, как на деньги благотворителей открывались учебные заведения, больницы, приюты и учреждались стипендии для неимущих студентов, как расширялась издательская деятельность, в том числе, просветительская, устраивались библиотеки и читальни. Особое внимание уделено деятельности Всероссийского учительского союза и других педагогических сообществ.

В Заключении мы приводим тезисы, приглашающие читателя к размышлениям и выводам о судьбе нашей страны и о роли, которую в ее истории играли или могли сыграть образование и просвещение.

Приложение посвящено истории педагогической мысли в России и становлению научной педагогики во второй половине XIX – начале XX в. (До середины XIX в. педагогические идеи, порожденные практическими проблемами воспитания и обучения, высказывались в разнородных источниках и не были объединены в раздел науки, имеющий свой предмет и свои методы исследования.) Мы выясняем связь зарождения и быстрого развития отечественной педагогики с тем, что в начале 60-х гг. XIX в. перед государством и обществом встали задачи массового образования. Показано, как наши соотечественники развивали и углубляли идеи российских мыслителей прошедших столетий и европейских педагогов-классиков XVII–XIX в. – Коменского, Песталоцци, Гербарта, Дистервега и др. Большое место в этой главе занимают цитирование и анализ тех педагогических трудов наших великих предшественников, которые приобрели особую значимость в наше время.

Библиографический список содержит названия тех публикаций, которые мы использовали при написании этой книги. Многие из них будут полезны читателю, желающему углубить свои знания.

Именной список призван помочь читателю, когда он использует нашу книгу для справок.

Необходимо, чтобы каждый родитель, педагог, ученый, студент и школьник – любой человек, интересующийся историей, проблемами и перспективами развития России, – мог прочитать какой-нибудь обширный, основательный и честный труд, питающий глубокие размышления о ее судьбах. Надеемся, что наша книга не только окажется полезной сама по себе, но и послужит делу создания таких произведений.

На написание этой книги вдохновляющее воздействие оказали наши плодотворные дискуссии с И.И. Бавриным, Я.А. Ваграменко, М.Б. Володи́чем, В.А. Гусевым, Л.Д. Кудрявцевым, Г.Б. Лудиной, Н.И. Мерлиной, В.И. Михеевым, С.А. Розановой, Н.Х. Розовым, А.Г. Яголой и другими коллегами. Всем им мы глубоко признательны.

Мы благодарны А.Б. Урину и И.А. Урину за внимательное чтение рукописи, полезные замечания и обсуждения.

Книга создана в рамках проекта EduXXI, начатого О.В. Зиминой и А.И. Кирилловым в апреле 1999 г.

* * *

Введение

Когда употребляются термины, постоянно встречающиеся в разговорах просвещенных людей, надо стараться их определять и употреблять, сохраняя тот смысл, который им чаще всего придается.

Томас Роберт Мальтус

Книгу об истории образования и просвещения естественно начать с разъяснения того, что эти термины означают. Авторитетнейший источник толкований – это Федеральный Закон, в данном случае – Федеральный Закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В нем сказано, что

1) образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов;

2) воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства;

3) обучение – целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни.

Заметим, что по Закону образование – это процесс и результат, а воспитание – только деятельность. Видимо, Законодатель забыл, что воспитание, как и образование, является и результатом, и ценностью. Совершенно непонятно, почему обучение – лишь организация деятельности по овладению знаниями, т.е. сама передача опыта, знаний и т.д. исключается. Но тогда такое определение обучения вступает в противоречие с определением образования.

Очевидно, что приведенные в Законе разъяснения основных понятий существенно и весьма характерным образом отличаются от научных определений. Поэтому они непригодны для нашей книги. В самом деле, термин «образование» в Законе не разъясняется, а лишь (правоммерно) увязывается с терминами «воспитание» и «обучение». Но образование и воспитание, как целенаправленные процессы, являются частными случаями обучения. По Закону образование включает в себя воспитание, чтобы утвердить право государства заниматься воспитанием своих граждан. Об этом прямо сказано в разъяснении термина «воспитание». Напротив, в чьих интересах происходит обучение, в Законе не сказано. Очень странно, что в разъяснении понятия «обучение» дважды указана одна и та же цель: овладение компетенцией и приобретение опыта применения знаний в повседневной жизни.

На самом деле термин «обучение» является основным, допускающим научное определение, а «воспитание», «образование» и «просвещение» как целенаправленные процессы определяются через него^[2]. Отсюда следует, что раскрыть смысл каждого из четырех терминов можно только исследовав отношения, в которых они находятся друг с другом. Эти отношения возникали и изменялись в ходе исторического процесса вместе с тем, как развивалось воспитание и образование – виды деятельности, порожденные и формировавшиеся биологической и позже социальной эволюцией.

Обучение свойственно не только человеку. Другие живые существа, от низших хордовых до млекопитающих, обучают своих детей, вырабатывая у них условные рефлексы, базирующиеся на безусловных. Взрослые существа тоже обучаются (иначе их нельзя было бы дрессировать).

Анализ конкретных примеров обучения показывает, что его сущностью является управляемая передача и обработка информации двух видов. К первому относится информация о том, что, как и зачем делают (или должны делать) в различных ситуациях. Ко второму виду относится информация о свойствах природных, социальных и технических объектов.

Часто обучение понимается несколько иначе: как процесс передачи и усвоения знаний, умений, навыков деятельности, основное средство подготовки человека к жизни [22]. Заметим, что здесь не сказано, что обучение – процесс управляемый, и вместо информации говорится о знаниях, умениях и навыках (так называемых ЗУН'ах). Вообще, для определения в нем слишком много существительных, причем таких, смысл которых подлежит разъяснению. В первую очередь это относится к словам «знание», «умение» и «навык».

Что такое знание? О смысле этого термина существуют разные мнения. А что значит уметь? Разумеется, знать, как что-то сделать. А знать – это уметь отвечать на вопросы. Правом ли то, что у нас знания и умения трактуются как разные понятия? Не следует ли обратить внимание на то, что «острый галльский смысл» позволяет во французском языке вместо наших глаголов «знать» и «уметь» обходиться одним глаголом «savoir» и, например, знать историю – это *savoir l'histoire*, а уметь плавать — *savoir nager*?

Английское «know-how» (знать как) часто употребляется без перевода, когда речь идет об умении что-то сделать. Вместе с ним в английском языке существуют «know-what» (знать что) и «know-why» (знать почему). Следовательно, английский глагол «know», как «savoir» и его аналоги в других языках, выражает некоторый фундаментальный смысл, мерцающие оттенки которого в русском языке передаются то глаголом «знать», то глаголом «уметь». По нашему мнению, этот смысл, был выявлен в XVII в. выдающимися философами Фрэнсисом Бэконом и Томасом Гоббсом в обсуждениях тезиса «*Scientia potentia est*» (на русский язык обычно переводится как «Знание – сила»): знание и умение – две составляющие единого целого. Нет подлинного знания без соответствующих умений, ибо только практика является критерием истины, и каждое интеллектуальное умение основывается на знании (как минимум, знании алгоритмов).

Приняв во внимание, что навык – это доведенное до автоматизма умение [22], мы заключаем, что понятия «знание», «умение» и «навык» целесообразно использовать не в определении понятия «обучение», а для характеристики информации, которая усваивается в процессе обучения.

Обучение происходит в интересах индивидуума и в интересах социума. Например, детей некоторых хищников учат охотиться и в одиночку, и стаей. В обучении человека индивидуальный и социальный компоненты особенно развиты и взаимосвязаны. Но так было не всегда. Социальный компонент расширялся по мере развития производства и общественных отношений. Важной вехой на этом пути явилось то, что обучение стало обязанностью государства.

Возвращаясь к нашему определению обучения, заметим, что оно не дает ответы на следующие три вопроса:

- 1) от кого к кому передается информация?
- 2) кто или что ее обрабатывает?
- 3) кто управляет процессом ее передачи и обработки?

Разъяснение понятия «обучение», конечно, должно давать ответы на эти вопросы. Но эти ответы будут разными для разных видов обучения, для разных исторических периодов и для разных педагогических систем. Например, длительное время информация передавалась исключительно от учителя к учащемуся. Однако с изобретением книгопечатания и по мере появления и совершенствования учебников, учебных пособий, справочников, энциклопедий

и другой подобной литературы, а потом и аналогичных электронных средств, учитель перестал быть единственным (и даже главным) источником информации.

А кому передается информация? Казалось бы, ответ прост: ученику. Но кто является учеником? Появление человеко-машинных технологий привело к тому, что во многих видах обучения его объектом становится тандем «человек + его компьютер» (см., например, [68]). Часть информации передается и обрабатывается человеком, а другая часть передается его компьютеру. Ученик, обрабатывая информацию, овладевает ею. Учитель тоже может обрабатывать информацию, прежде чем передавать ее обучаемому, чтобы адаптировать ее к его актуальным возможностям.

Вопрос о том, кто управляет передачей информации в процессе обучения, тоже сложный. Приверженцы одних педагогических воззрений полагают, что управляет исключительно учитель, а ученик может воздействовать на процесс своего обучения только посредством обратной связи. Она устанавливается, когда ученик задает вопросы или при анализе результатов контрольных работ. В XX в. Джон Дьюи и его последователи, сторонники так называемой педоцентрической системы обучения^[3], полагали, что обучаемый имеет право и может гораздо сильнее влиять на процесс своего обучения, вплоть до того, чтобы полностью определять его содержание и форму. Упомянем еще, что процессом обучения управляют еще и администрации учебных заведений, а также органы государственной власти (посредством законов, программ, стандартов и финансовых рычагов). В некоторых случаях в управление процессом обучения включаются родители и, косвенно, общественность.

Мы видим, что вышеприведенные три вопроса все еще требуют подробных исследований. Поэтому нецелесообразно включать возможные ответы на них в определение обучения, даже и в косвенной форме, например, указывая, что обучение есть «деятельность учителя и учащихся» [166] или что это процесс, проводимый «под руководством преподавателей» [22].

Очень важно иметь в виду, что термин «обучение» устарел. Вместо него целесообразно использовать термин «педагогический процесс». Он был введен выдающимся теоретиком педагогики П.Ф. Каптеревым (в 1915 г. он заменил термин «педагогический процесс» на «образовательный процесс»). Мы понимаем педагогический процесс как специально организованное взаимодействие обучающего и обучаемого поколений с целью передачи обучающим поколением и освоения обучающимся опыта, необходимого для жизни в обществе.

Обратимся теперь к воспитанию. Его определяют как процесс (деятельность), как результат этого процесса, как система и как ценность. Как целенаправленный процесс, воспитание в каждый момент является неким обучением. Поэтому оно есть система взаимосвязанных процессов обучения. В них передается информация об опыте предшествующих поколений, старшие учат младших. Передаваемая и обрабатываемая в процессе воспитания информация черпается в духовной культуре, т.е. содержит фрагменты ценностей, верований, представлений, норм, обычаев, а также способов простых видов деятельности. (Способы сложных видов деятельности передаются в процессах образования.)

Воспитание имеет целью сформировать у воспитуемого некоторый запланированный комплекс рефлексов, называемый личностью или индивидуальностью. Этот комплекс предполагается необходимым и для блага воспитуемого, и для блага того социума, в который он вольется. Но между личным и общественным есть противоречия, и не всегда понятно, что есть благо, а что – нет. Поэтому о воспитании постоянно спорят и в семьях, и в обществе.

Заметим, что бывает воспитание, которое не является обучением. Оно стихийно, поскольку реализуется преимущественно в виде попыток наблюдать за другими, в чем-то подражать им, а в чем-то стараться вести себя иначе. Это порождает известные проблемы, когда усилия воспитующих вступают в противоречие с тем, как воспитуемые воспринимают действительность.

Воспитание как система существовало, например, в Спарте и Китае. Своеобразные системы воспитания создавали религиозные организации (церкви, монашеские ордена и др.). В СССР была создана и работала мощная государственная система воспитания. Ее задачей было формирование нового человека – строителя коммунистического общества. Решение этой задачи предполагало выработку научно-материалистического мировоззрения, превращение норм коммунистической морали в личные убеждения и правила повседневного поведения, интернациональное воспитание в духе дружбы народов, всестороннее развитие духовных и физических способностей людей, воспитание у них высоких эстетических вкусов^[4].

Отметим, что вмешательство государства и церкви в воспитание осуждалось многими выдающимися деятелями нашей культуры.

Обратимся теперь к термину «образование». Он понимается как процесс (деятельность), как результат этого процесса, как система и как ценность. Воспитание и образование имеют различные, но взаимосвязанные цели. Подобно воспитанию, образование как процесс есть система взаимосвязанных процессов обучения. Но передаваемая и обрабатываемая в них информация происходит из ремесел, технологий, искусств, науки и техники. Поэтому цели и методы образования определены гораздо яснее и объективней, нежели цели и методы воспитания, а именно: посредством систематического изложения достоверной информации и планомерной учебно-практической и, возможно, учебно-исследовательской деятельности научить пользоваться этой информацией и добывать новую. Тем не менее, об образовании тоже постоянно спорят и в семьях, и в обществе, хотя споры в семьях не такие горячие, как споры о воспитании, поскольку в образовании личного намного меньше, чем общественного.

При воспитании обучают тому, что стало традиционным, что не представляется противоречащим мифам и, используя термин Бэкона, «идолам театра» (некритично усвоенным мнениям). При образовании обучают не только традиционному, но и тому, что может стать традиционным, например, в результате использования достижений науки. Поэтому для образования очень важно то, что Ушинский называл «педагогической переработкой науки» [187, т. 10, с. 435]. Заметим, что некоторые процессы обучения, традиционно не включаемые в воспитание и относимые к образованию, на самом деле весьма способствуют формированию личности. Например, давно известно, что математика «ум в порядок приводит». Тем не менее, а, возможно, и поэтому, в воспитание включают только арифметику, иногда – элементарные сведения из геометрии, а к остальной части математики общество питает «глубокое, хотя и почтительное отвращение» [149, т. 4, с. 557].

Образование как система реализуется совокупностью школ, колледжей, университетов и им подобных учреждений. Они финансируются и управляются государством. С такой системой могут взаимодействовать и частные учебные заведения. В настоящее время складывается система корпоративных университетов. Они финансируются и управляются фирмами. Современные цивилизованные государства оказывают таким университетам всяческую поддержку.

Воспитание консервативно, оно закрепляет и передает от поколения к поколению то, что признано ценным в опыте людей и общества. Образование прогрессивно, оно порождает противоречия с опытом, которые служат движущими силами развития. Воспитание и образование могут оказывать противоречащие друг другу воздействия на личность, поскольку черпают информацию из разных источников. Какому из воздействий отдать предпочтение? Воспитание всегда и всеми считалось чем-то необходимым, а образование во все времена многие полагали вредным, поскольку оно давало знания. Бэкон не без юмора отметил, что о знании многие полагают, что оно «относится к тем вещам, которые можно допускать только в небольших дозах и осторожно, что чрезмерное стремление к знанию явилось первородным грехом, который привел к падению человека, и что и теперь в нем остается нечто от змея-искусителя...» [27]. Возможно, поэтому женщин длительное время не допускали в учебные заведения.

Но есть и серьезные предубеждения против знаний. Они основаны на том, что знания способны вывести человека вверх из того социального слоя, к которому он принадлежит по происхождению. А это может не нравиться по двум причинам. Во-первых, это усиливает конкуренцию в верхних слоях общества, причем уменьшает шансы бездарей занять престижные места, что, конечно, им не нравится. Во-вторых, знания, как социальный лифт, поднимают не всех ими овладевших, а только некоторых. И сколь бы многочисленными они ни были, у остальных возникает чувство неудовлетворенности и даже социальной несправедливости, а отсюда недалеко и до бунта. В этой связи интересно в очередной раз задуматься над библейским тезисом: «во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Екклесиаст, 1:18).

Возможно, что у неприятия образования есть глубинные биологические корни. Оно многим представляется чем-то противоестественным, как и связанная с ним наука. Ведь образование присуще только *Homo Sapiens*. У других живых существ его нет, а воспитание есть. Возможно, потому, что оно, как отмечал Павлов, служит механизмом обеспечения сохранения исторической памяти популяции. А нужно ли что-то еще?

Нет, казалось бы, говорит нам история более чем пяти тысяч лет существования Китая с глубокой древности до поражения во второй Опиумной войне (1860 г.). Все это время в Китае не было образования. Учебные заведения занимались исключительно воспитанием. В нем все черпалось из прошлого и все было направлено на сохранение традиционных устоев. В нем не было места науке. Кстати, в Китае до самого последнего времени науке отводилось совершенно не свойственная ей роль противодействовать попыткам модернизации^[5]. Поэтому развитие китайской науки почти незаметно, а последнее китайское изобретение – зубная щетка из щетины – было сделано в 1498 г.

К счастью для страны, поражение во второй Опиумной войне было осознано как угроза утраты Китаем национальной независимости. Ряд политиков выступили за его вестернизацию. Сторонники реформ указывали, что причиной бедности и слабости Китая является скудное образование и отсталые технологии. Они ратовали за создание школ для талантливых людей, а также органов пропаганды реформ, научных обществ, новых вооруженных сил, за переводы и публикации книг, изданных в западных странах, за преподавание передовых западных наук.

В 1902 г. правительство Китая издало указ о создании системы школ по образцу западных стран. В 1902– гг. были определены структура системы, учебные программы и схема управления. Правительственным декретом все это было введено в действие. Так началась история китайского образования. «Поднебесная» не явилась исключением из общего правила: сколь хорошо ни было бы организовано воспитание, без системы образования дальше феодализма не уйдешь.

В странах Европы системы образования создавались значительно раньше, чем в Китае. Этим мы обязаны католической церкви, поскольку в эпоху Средневековья начальное образование было сосредоточено преимущественно в церковных и монастырских школах, а средние школы создавались при епископских кафедрах. Церковь в основном сохранила античную систему образования, сложившуюся к IV в. н.э. в Римской империи и основанную на изучении «семи свободных искусств». На развитие образования огромное влияние оказало и уникальное явление – расцвет европейской науки и изобретательства в XVII–XVIII в.

Обратимся теперь к термину «просвещение». Мы трактуем его как синтез определенных компонентов воспитания и образования. Как и они, просвещение понимается как процесс (деятельность), как результат этого процесса, как система и как ценность. Подобно воспитанию, просвещение имеет целью сформировать личность, но не такую, как некоторые виды воспитания, например, религиозное или военно-патриотическое. Поэтому достижение воспитательной цели просвещения предполагается с помощью таких видов обучения, которые используются в образовании. При этом ставится и вторая цель, подобная цели образования, – сообщать знания

о ремеслах, искусстве, технологиях и технике, а также сведения, почерпнутые в науке. Для просвещения используются музеи, выставки, планетарии, зоопарки и т.п., а также энциклопедии, научно-популярные издания и фильмы. Как и в образовании, для просвещения используются лекции, но еще и беседы, экскурсии, туристические походы и т.п.

Важнейшим отличием просвещения от образования является отсутствие традиционных способов контроля усвоения. В связи с этим с давних пор стоит вопрос: как оценивать эффективность просветительской деятельности?

Содержание просвещения: «обо всем – самую суть». Эту суть нужно суметь выделить и изложить так, чтобы она была понятной всем, кто овладел определенным набором знаний из тех, которые даются в школах.

Для просвещения отбираются только знания, которые обладают специфическими особенностями. Прежде всего, те, которые нужны человеку, чтобы с научной достоверностью осознать свое место в природе и обществе, быть хозяином своей жизни, быть способным мысленно уноситься и в пространстве и во времени как угодно далеко оттуда, где и когда он существует. Ведь просвещение появилось на рубеже XVII–XVIII вв. при переходе от Средневековья к Новому времени, когда под напором нового знания рушилась привычная картина мироздания. Тогда одни люди испытывали ощущение интеллектуальной и духовной свободы, видели новые возможности совершенствования общества и человека, а психологическое состояние других Блез Паскаль описал так: «Человек не знает, кому себя сопричислить в мире. Он чувствует, что заблудился, упал оттуда, где было его истинное место, и теперь не находит дороги назад, хотя, снедаемый тревогой, без устали ищет в непроницаемом мраке» [107, с. 181]. Просвещение явилось, чтобы рассеять этот мрак.

Другие знания, которые используются для просвещения, имеют практическую ценность. Их надлежит распространять, чтобы люди более эффективно трудились, могли устранять последствия поломок и мелких аварий, сохраняли свое здоровье и здоровье своих близких, умели ухаживать за больными, правильно воспитывали детей и помогали жить старикам, улучшали жизнь вокруг себя.

Просвещение призвано распространять и те знания, практическая ценность которых еще неизвестна. Это нужно, поскольку невозможно предсказать, кто и когда изобретет что-то, основанное на них (подробнее см. [93]).

Выше уже говорилось, что обучение – управляемый процесс. То обучение, которое используется в просвещении, управляется слабо, одним только пониманием его целей. Обратные связи с теми, к кому оно обращено, почти не устанавливаются. Поэтому, кстати, оно несовместимо с прямым контролем успешности и фиксацией достигнутых уровней.

Просвещение как система формируется только после того, как сформировалась система образования, и на ее основе. Организации, целью деятельности которых является просвещение, образуют систему, обладающую сложной и не вполне формализованной структурой. Очень сложна и система сведений, сообщаемых в процессе просвещения. Они расширяют и углубляют те, которые даются в школе, т.е. просвещение надстраивается над школьным образованием и наследует его структуру. Предполагается, что те, кому адресовано то или иное просветительское мероприятие, могут самостоятельно определить его связь с разделами школьной программы.

По самой своей сути просвещение адресовано самым широким слоям населения и, следовательно, нуждается в средствах массовой информации и больших тиражах книг. В наше время для просвещения появился мощный канал – Интернет. Тем более необходима организация и методическое обеспечение просветительской деятельности. В этой связи заметим, что в эпоху Просвещения (XVII–XVIII вв.) надлежащего охвата населения просвещением, а следовательно, и настоящего просвещения не могло быть по чисто техническим причинам. На это не захотел сделать скидку Кант.

В статье «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?», опубликованной в 1784 г., он писал, что Просвещение – «это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине...» и провозгласил: «Леность и трусость – вот причины того, что столь большая часть людей, которых природа уже давно освободила от чужого руководства..., все же охотно остаются на всю жизнь несовершеннолетними; по этим же причинам так легко другие присваивают себе право быть их опекунами» [84, т. 6, с. 27].

Просвещение XVIII в. затронуло в основном верхние слои общества. Вот как об этом сказал Жорж Дантон в Конвенте 30 ноября 1792 года: «...в настоящий момент, когда народ находится в состоянии варварства, попытка отнять у него его идеи и его заблуждения была бы преступлением против нации. Подождем, пока свет просвещения озарит хижины бедняков» [53]. Дантон не знал, как долго придется ждать. Даже сейчас мы не можем сказать, что просвещение достигло своих целей. Однако эпоха Просвещения создала слой образованных людей, хоть и небольшой, но оказавшийся достаточным, чтобы началась массовая изобретательская деятельность. Ее плоды были востребованы промышленностью, она стала технически и технологически перевооружаться. Появилась новая профессия – инженер.

Эпоха Просвещения породила промышленную революцию и завершилась, на время уступив место эпохе специалистов. На смену идеалу гражданина эпохи Просвещения пришел другой идеал. Шотландский философ и экономист Джеймс Стюарт (1712–1780) охарактеризовал его как «представителя узкой сферы профессиональной деятельности, образованного, уверенного в своих силах, устремленного в будущее и озабоченного больше всего эффективностью экономического и социального управления в интересах собственного обогащения, которое является залогом благосостояния и спокойствия всего общества» [79, т. 4, с. 312]. К началу XX века такие люди создали все технические средства, которые необходимы, чтобы просвещением можно было охватить самые широкие народные массы.

Просвещение – это ценность, одними признаваемая великой, а другими – сомнительной. Кто же прав? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно задуматься над целым рядом других, более конкретных. Какое общество раньше всех начинает пользоваться плодами прогресса? В каком обществе большая доля людей живет в условиях, достойных человека, в каком обществе люди лучше едят, их лучше лечат, их детей лучше воспитывают и учат? В каком обществе ниже преступность? Какое общество планомерно преодолевает даже серьезные кризисы, а в каком любая проблема усугубляется до такой степени, что всем представляется неразрешимой? В каком обществе воцарилось согласие по большинству вопросов, а в каком все обо всем спорят, каждое начинание тотчас же встречает возражения, и в конечном итоге ни из чего ничего не получается? Какое общество поступательно идет вперед, а какое, сделав шаг вперед, делает два назад или вовсе топчется на месте, пока к власти не придет реформатор, силой направляющий бестолковое население вперед, но потом долго еще все пятятся назад? Какое общество прислушивается к подлинным авторитетам, а какое позволяет увлечь себя шарлатанам, обещающим простые решения всех проблем и скорое благополучие?

В поисках ответов на эти вопросы целесообразно сравнить страны, дальше других ушедшие по пути просвещения, с теми, где просвещения не было вовсе. К первым мы относим Великобританию, Голландию и Францию, ко вторым – Китай и Японию (в состоянии, в каком они находились до середины XX века) и многие другие.

Огромная ценность просвещения заключается в том, что оно наделяет общество свойством, иногда называемым «мудростью толпы» (см., например, [208]). Она позволяет объединять интеллекты членов общества в некоторые коллективные разумы и использовать их для поиска ответов на сложнейшие вопросы. Примерами использования коллективного разума являются референдумы и голосования на выборах. По правилам и практикам проведения этих мероприятий можно судить о просвещенности общества. В обществе с низким уровнем просвещенности «мужик умен, а мир – дурак». Какая уж тут «мудрость толпы», какой коллектив-

ный разум! Нечего и надеяться, что будут найдены решения сложных проблем, пути выхода из кризисных ситуаций и направления развития. В ХХІ веке у такой страны нет никаких перспектив. Единственное ее спасение – просвещение.

* * *

Г л а в а 1

Образование и просвещение в допетровской Руси (IX–XVII вв.)

*История – это фонарь в будущее, который светит нам из
прошлого.*

В.О. Ключевский^[6]

Эта глава посвящена многовековой истории образования и просвещения в разные периоды развития нашей страны: от начала ее государственности в конце IX в. до 90-х гг. XVII в. Мы выясняем уровень грамотности населения, количество школ и содержание даваемого ими образования, анализируем воздействия государства, церкви и личной инициативы отдельных людей, а также другие факторы, влияние которых тормозило или ускоряло развитие образования и просвещения.

П.Н. Милюков^[7] в фундаментальном исследовании «Очерки по истории русской культуры» отмечал: «Кажется, ни по одному вопросу нашей внутренней истории не существует такой разницы во мнениях, как по вопросу о роли школы и образования в Древней Руси. Тогда как одни считают существование школ до Петра I редким исключением, другие, наоборот, покрывают всю допетровскую Русь целой сетью церковно-приходских училищ. Одни признают Древнюю Русь чуть не поголовно безграмотной, другие готовы считать распространение грамотности обязательным и повсеместным. По мнению многих, вся наука наших предков ограничивалась часословом и псалтырем, между тем как, по мнению других, на Руси преподавалась вся средневековая энциклопедия «свободных знаний». Источники дают нам слишком мало сведений, чтобы можно было с их помощью доказать верность того или другого взгляда. Но весь контекст явлений русской культуры говорит скорее в пользу первого взгляда, чем в пользу последнего» [125, с. 207].

В этой главе мы описываем состояние образования и просвещения на разных этапах развития русского государства и общества в IX–XVII вв., чтобы читатель получил возможность составить свое обоснованное суждение о происходившем в это время.

1.1. Древняя Русь в IX–XIV вв.

Становление Руси как субъекта истории большинство ученых относят к концу IX в., когда новгородский князь Олег (??–912) с маленьким Игорем и дружиной в 882 г. пришел в Киев и сделал его столицей княжества. Об этом сообщает нам «Повесть временных лет». О деятельности Олега и его ближайших преемников есть сведения в византийских источниках X в., в частности, в хронике Георгия Амартола, в сочинении императора Византии Константина Багрянородного «О народах». За тридцать лет княжения Олегу удалось объединить разобщенные города и племена под властью Киева, освободить их от подчинения хазарам, а также в результате военного похода на Константинополь в 907 г. добиться от Византии заключения выгодного для Руси торгового договора. Этот процесс продолжился с приходом следующих Рюриковичей – Игоря, Ольги, Святослава.

В то время основной функцией государства была военная: защищать подвластные земли и торговые пути от нападения врагов. Великий князь Киевской Руси, по словам В.О. Ключевского, «был первоначально наемный вооруженный сторож Руси и ее торговли, ее степных торговых путей и заморских рынков, за что он получал корм с населения» [94, т. 1, с. 163].

К концу X в. Киевская Русь превратилась в мощное государство: росли и укреплялись города, развивались ремесла и торговля, расширялись международные связи, усложнялись экономические, социальные и семейные отношения между людьми. В соответствии с этими изменениями расширялись и обязанности государства.

Спустя столетие после образования Киевская Русь достигла в своем развитии такого уровня, когда государство получает возможность выполнять типичные для того времени функции:

- 1) регулировать отношения между подданными;
- 2) представлять и защищать общие интересы страны.

Выполнение этих функций предполагало не только наличие военной силы, для охраны границ и торговых путей от внешних врагов, как это было на начальном этапе развития государства, но и создание законов, судов, дипломатической службы, а также строительство крепостей и других оборонительных сооружений. Для всего этого были нужны грамотные, образованные люди – следовательно, перед князем и его администрацией встала задача повышения качества населения. Таким образом, просвещение и образование становится обязанностью государства, пока еще не оформленной юридически (это случится лишь в конце XVIII в.).

Принятие в 988 г. христианства в качестве государственной религии дало стране мощный цивилизационный импульс. Свою роль в этом сыграли антропоморфный характер христианской веры, ее обрядовая сторона, великолепные библейские и евангельские тексты.

Г.П. Федотов^[8] писал: «И мы могли бы читать Гомера, философствовать с Платоном, получать как дар научную традицию древности. Провидение судило иначе. Мы получили в дар одну Книгу, величайшую из книг, без труда и заслуги открытую всем, но зато эта книга должна была остаться единственной. Когда думаешь о последствиях этого факта нашей истории, поражаешься, как много уясняет он в ней» (цит. по [80, с. 115–116]).

Крещение Руси князем Владимиром I (княжил в Киеве с 980 по 1015 гг.) послужило существенным объединительным фактором и идеологическим основанием власти, а развитая церковная иерархия стала образцом для государственного строительства. На первых порах церковь должна была регулировать не только церковные, но и семейные отношения, а также заниматься нравственными проблемами: «блюсти порядок семейный, религиозный и нравственный» [94, т. 1, с. 251]. Об этом свидетельствуют церковные уставы Владимира и Ярослава, вошедшие в состав «Русской правды» – древнейшего свода законов Киевской Руси. Кроме

того, церковь должна была заниматься просвещением и образованием населения, как для собственных нужд, так и для нужд государства.

За начало истории отечественного образования традиционно принимается конец X в. В это время «...варварский склад общественной жизни изменяется с принятием христианской религии, с которой из Византии – самой образованной в те времена державы – перешли к нам как понятия юридические и государственные, так и начала умственной и литературной деятельности» [101, т. 1, с. 3]. В частности, образцом для древнерусского права, сначала церковного, а затем и государственного, послужил «Номоканон» Константинопольского патриарха Иоанна III Схоластика, пришедший на Русь в болгарском переводе под названием «Кормчая книга».

В конце X в. на Руси возникают церковные и монастырские школы с учителями-священниками и появляются *книжники* – любители просвещения, собиравшие и переписывавшие книги. Как мы увидим ниже, книжниками были не только церковные, но и светские люди (в том числе, женщины), в основном представители знатных семей. Быстрому распространению так называемого «книжного учения» благоприятствовали два обстоятельства. Если в западно-христианской церкви богослужение происходило только на латинском языке, то восточно-христианская церковь разрешала проповедь и богослужение на национальных языках. Благодаря этому, с самого начала на Руси возникла и распространилась литература на языке, понятном народу. Второе благоприятное обстоятельство состояло в том, что за век до крещения Руси восточное христианство уже было принято в родственной по языку Болгарии. Благодаря этому происходило соединение древнеболгарского литературного языка с обиходным древнерусским, способствуя их взаимному обогащению. Кроме того, богатая оригинальная и переводная литература из Болгарии (в основном, из библиотеки древней столицы г. Преслава) распространилась на Русь.

В 968 г. киевский князь Святослав (942–972) в союзе с византийским императором занял северо-восточную Болгарию вместе с г. Преславом. Вскоре Святослав перешел на сторону болгарского царя Бориса II, но был вытеснен из Болгарии византийской армией. По-видимому, именно Святослав привез в Киев преславскую библиотеку, в основном содержащую религиозные книги.

Поскольку обучение грамоте есть первый элемент образования, нужно выяснить на каком языке учились читать и писать в Древней Руси. Важно также знать, какие произведения имелись на этом языке. Тогда мы сможем судить о содержании начального образования.

Г.П. Федотов писал: «Если правда, что русский язык – гениальный язык, обладающий неисчерпаемыми художественными возможностями, то ведь это тоже потому, что на нем и только на нем говорил и молился русский народ, не сбиваясь на чужую речь. Но этот великолепный язык до XVIII в. не был орудием научной мысли» (цит. по [80, с. 116]).

Мысль Федотова очень важна: если язык «не был орудием научной мысли», то каково же было образование на этом языке. Как будет показано далее (например, в п. 2.1.4), оно и не было научным, по крайней мере, до XVIII в.

О языке Древней Руси. В «Повести временных лет» описывается расселение славян, живших в долине Дуная, в результате которого «разидеся словеньский языкъ, темже и грамота прозвася словенская» («разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась «славянская») [143, т. 1, с. 26–27].

Церковный и литературный язык пришел на Русь из Болгарии вместе со славянскими переводами Библии и других богослужебных книг. Вот что об этом сообщает энциклопедический словарь «Христианство» [192, с. 237].

Согласно некоторым источникам (напр., житиям св. Кирилла и Мефодия), первый перевод Библии с греческого языка был сделан по заказу моравского князя Ростислава. В 863 г. Ростислав обратился в Константинополь с просьбой прислать христианских проповедников,

знающих славянский язык. Для этой цели были избраны греки Кирилл и Мефодий, уроженцы Солуни в Македонии (ныне греческие Салоники), к тому времени уже известные своей миссионерской деятельностью. Они начали делать свой перевод в Константинополе и изобрели славянское письмо, по одним источникам – глаголицу, по другим – кириллицу. Язык, на который был сделан перевод, называется в источниках «словенским». Из славянских языков по особенностям фонетики он ближе всего к древнеболгарскому, поэтому он иногда так называется в современных грамматических трудах. Так как он был применен к нуждам церкви и славянского богослужения, которое было введено Кириллом и Мефодием в Моравии, то его часто называют церковнославянским. Славянский перевод Священного Писания и богослужебных книг утвердился у болгар, а от них у русских и сербов, а церковнославянский язык сделался языком общей с болгарам славянской письменности, причем постепенно выработались его русская и сербская редакции.

Большой энциклопедический словарь [23] приводит следующие определения.

«Древнерусский (славянский, старославянский) язык – восточно-славянский язык, возникший в результате распада в VII в. праславянского этноязыкового единства. На его основе в XIV–XV вв. складываются близкородственные русский, украинский и белорусский языки.»

«Церковнославянский язык – старославянский язык, имеющий местные разновидности (изводы). Русская разновидность ц.-сл. языка применялась в церкви, в богослужебной и научной литературе, влияла на русский язык до XVIII.»

Таким образом, когда в различных источниках встречаются термины «славянский», «церковнославянский», «древнеболгарский», речь идет об одном и том же – о языке богослужения и литературы Древней Руси. На нем же велось обучение и создавалась учебная литература. Естественно, что русский обиходный язык и язык богослужения развивались, влияли друг на друга, взаимно обогащались: «В Древней Руси не было потребности в переводе Священного Писания на народный язык, так как язык старославянский был народу вполне понятен, да и церковный язык подвергался у нас влиянию живой народной речи» [192, с. 246]. Впервые необходимость переводов на народные языки (наречия) появляется в Юго-западной и Западной Руси в XV–XVI вв. Первым западнорусским переводчиком считается Франциск Скорина (ок. 1490–1551), уроженец Полоцка, первопечатник и просветитель. Скорина перевел с греческого языка часть книг Ветхого Завета. В других книгах Св. Писания, имевшихся на славянском языке, он только правил то, что считал неправильно или плохо переведенным с греческого. Все это он напечатал под общим заглавием «Библия руска». Скорина называл язык всех своих изданий, в том числе Псалтири и Апостола, русским, по той причине, что для него слова русский и славянский были однозначными [192, с. 246].

По принятии христианства князь Владимир учредил школы и распорядился «собрать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное» (цит. по [42, с. 8]). На Украине вспомнили об этом замечательном событии: в 1989 г. в Киеве отмечалось тысячелетие первой такой школы, которая, по данным археологов, располагалась на Старокиевской горе рядом с Десятинной церковью.

Во все времена школьное обучение нуждается в учебниках. В качестве первых учебных пособий использовались рукописные «Азбуковники», содержащие толкования слов, тексты молитв, календарь, правила морали и поведения, а также начала арифметики [195].

Поколение тех детей, которых Владимир I Святой отдавал в «обучение книжное», ко времени правления его сына Ярослава Мудрого (1015–1054) уже выросло. Ярослав продолжил дело отца: имеется известие о том, что «он в Новгороде собрал 300 детей у старост и попов и отдавал их учиться книгам» [101, т. 1, с. 19]. Некоторые ученые полагают, что при Ярославе взрослых людей, готовящихся стать священниками, обучали более основательно [168, с. 160].

Ярослав получил хорошее для того времени домашнее образование. Великий князь Владимир «любил словеса книжные», имел библиотеку и приучил сына к чтению, тем более, что

Ярослав был хромым^[9] и не мог в полной мере предаваться занятиям, обычным для маленького княжича.

В «Повести временных лет» говорится о просветительской деятельности Ярослава: «Ярослав... любил книги и, много их написав, положил в церкви Святой Софии, которую создал сам... И другие церкви ставил по городам и местам, поставляя попов и давая от богатств своих жалование, веля им учить людей» [143, т. 1, с. 167]. При Софийском соборе был создан скрипторий (мастерская, где переписывались и переводились книги), а также первая на Руси библиотека, начало которой положило книжное собрание самого Ярослава. По данным археологов, библиотека находилась в одной из башен Софийского собора. Где находился скрипторий, неизвестно (возможно, в специальном помещении вне собора [42, с. 12]). Писцы переписывали болгарские книги из преславской библиотеки, переводчики (на первых порах это были образованные монахи из Византии и Болгарии) переводили с греческого, древнееврейского, латинского и других языков. Так, были переведены с греческого византийская хроника Георгия Амартола^[10], «Повесть о взятии Иерусалима» Иосифа Флавия. В скриптории трудились не только писцы и переводчики, но и редакторы, художники, переплетчики. Книги из скриптории поступали в Софийскую библиотеку, а также в церковные и монастырские библиотеки Киева, Новгорода, Полоцка и других городов, где в свою очередь разворачивалась издательская и просветительская деятельность.

При Ярославе существенно расширились международные связи Киевской Руси, о чем, в частности, свидетельствуют браки его детей с западноевропейскими правителями: дочь Анна стала женой французского короля Генриха I, Елизавета была выдана замуж за норвежского принца Гаральда, Анастасия – за венгерского короля Андрея I, сын Всеволод женился на дочери византийского императора Константина Мономаха, Изяслав – на дочери польского короля.

Древние книжники переписывали и переводили не только богослужебные книги, но и исторические хроники, жития святых, сборники изречений и т.д. Они составляли летописные своды, «Изборники», а также создавали оригинальные произведения. К таким произведениям относятся богословские трактаты, «Слова» и «Поучения», собрания законов. Среди них упомянем «Суд или Устав Ярославль ВолодимERIC», который положил начало «Русской правде» – своду древнерусского права, дошедшему до нас в списках XIII в.^[11]

Функции государства при Ярославе и его наследниках расширяются: князь и его администрация занимаются законодательной и судебной деятельностью, в ведение светской власти переходят вопросы гражданского и семейного права, о чем свидетельствуют соответствующие статьи «Русской Правды» (подробнее о «Русской Правде» и других памятниках древнерусского государственного законодательства см. [94, т. 1, с. 206–224]). Отметим, что в XI–XII вв. даже новгородское вече считалось законным только в том случае, если созывалось князем [152, с. 85].

Расширялась и просветительская деятельность светской власти. Важнейшие события в истории русского просвещения после Ярослава относятся ко времени правления его внука – Владимира II Мономаха (1053–1125, кн. киевский с 1113). Владимир Мономах – автор ряда оригинальных произведений, из которых самым известным является «Поучение», дошедшее до нас в составе Лаврентьевской летописи 1377 г. В «Поучении» он велит детям учиться и приводит пример своего отца, князя Всеволода Ярославича, который «дома сидя, знал пять языков» [143, т. 1, с. 401]. Важно, что «Поучение» Мономаха, вопреки обращению «дети мои», вряд ли было адресовано его давно уже взрослым детям. Видимо, оно предназначалось более широкой аудитории. «Поучение» Владимира Мономаха – единственный известный пример наставления, созданного не духовным лицом, а светским государственным деятелем. Будучи образованным и литературно одаренным человеком, Мономах поддерживал книгописательскую деятельность в монастырях, покровительствовал летописанию.

Около 1113 г. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором была создана знаменитая «Летопись Нестора», или «Начальная летопись», впоследствии получившая название «Повесть временных лет».

В основу своей летописи Нестор положил Начальный свод (1093–1095)^[12], значительно дополнив и переработав его. Кроме первоначальных летописных источников Нестор использовал также византийскую хронику Амартола, договоры русских князей с Византией, народные предания и другие источники. К летописи Нестор написал обширное историко-географическое введение. В первоначальном виде текст до нас не дошел. В 1116 г. «Повесть временных лет» была переработана монахом Выдубицкого монастыря Сильвестром и дошла до нас в составе Лаврентьевской летописи [143, т. 1, с. 419]. «Повесть временных лет» рассказывает о происхождении Русской земли, о первых русских князьях и о событиях X – начала XII в. Ее продолжением является так называемая Киевская летопись, которая описывала события всего XII в. и начала XIII в.

Во времена Владимира Мономаха были переведены с греческого языка Ветхий Завет и жития святых. По их образцу был составлен Киево-Печерский патерик^[13]. В него вошли жития основателей Киево-Печерской обители Антония и Феодосия, других печерских святых, а также «Сказание о Борисе и Глебе» – первых русских святых, официально признанных Византией.

Благодарность Владимиру Мономаху за его просветительскую деятельность сохранилась в памяти потомков. В Ипатьевской летописи говорится: «В лето 1125 преставился благоверный князь Владимир Мономах, братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец за Русскую землю. Он просветил ее, как солнце испускающее лучи» (цит. по [42, с. 17]).

Ко времени Мономаха относится древнейшее произведение, принадлежащее к жанру путешествий в Святую землю, – «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли» (см. [143, т. 2]). Историки предполагают, что Даниил был монахом Киево-Печерского монастыря, а затем поставлен игуменом черниговской обители. Свое хождение Даниил совершил в самом начале XII в. Он отправился в Константинополь, а затем морем – в Палестину, в город Яффу^[14]. Во время плаванья Даниил посещал острова и приморские города, отмечая расстояния и описывая достопримечательности. Из Яффы вместе с другими паломниками Даниил проделал трудный путь до Иерусалима. Незадолго до этого, в 1099 г. крестоносцы овладели Иерусалимом, а в 1100 г. было образовано Иерусалимское королевство во главе с Балдуином I. Даниил пишет о Балдуине с симпатией и сообщает, что тот оказывал ему покровительство. В Иерусалиме он прожил 16 месяцев в подворье лавры Св. Саввы, откуда совершал путешествия по городу, его окрестностям и по всей Палестине. Даниил осматривал Голгофу и Фавор, Назарет и Кану Галилейскую, побывал в Вифлееме, Иерихоне, Галилее, на Тивериадском озере, ходил к реке Иордану и Мертвому морю. Он подробно и поэтично описал свои впечатления от посещения святых мест, рассказал, как ему удалось с разрешения Балдуина «поставить лампаду на гроб господен»^[15] [143, т. 2, с. 107].

«Хождение» игумена Даниила – не только замечательный литературный памятник, но и ценный источник исторических и археологических сведений об Иерусалиме и Палестине XII в. Труд Даниила послужил образцом для последующих произведений этого жанра, в том числе, «Хождения за три моря» Афанасия Никитина. «Хождение» Даниила и сегодня читается с интересом, быть может, потому, что автор, по его же словам, «написал не хитро, но просто о местах этих святых, и о Иерусалиме, и о земле этой обетованной. Однако же хоть и не мудро написал, но и не ложно: как видел глазами своими, так и написал» [143, т. 2, с. 105].

Ссылаясь на источники XI–XII вв., В.О. Ключевский писал «о знакомстве русских князей с иностранными языками, об их любви собирать и читать книги, о ревности к распространению просвещения, о заведении ими училищ даже с греческим и латинским языком, о внимании, какое они оказывали ученым, приходившим из Греции и Западной Европы» [94, т. 1, с. 274]. Он подчеркивал, что речь идет не о единичных, исключительных случаях, а о постоянных

заботах и усилиях, оказавших воздействие на общий уровень просвещенности древнерусского человека.

Грамоте и арифметике мальчики учились в школах при церквях и монастырях. Учителя обычно имели низшие духовные звания. Дети из знатных и зажиточных семей обычно получали начальное образование дома. По древним обычаям молодой княжич садился на коня в три года, начинал учиться грамоте в семь лет, а двенадцатилетний отрок уже должен был отправиться с отцом в поход.

Представление о характере знаний, доступных русским людям в XI в., дают Изборники – своеобразные иллюстрированные энциклопедии, содержащие сведения о грамматике, истории, географии. Чтение Изборников позволяло расширить довольно скромные знания, получаемые в церковных училищах.

Более основательное образование можно было получить в Киево-Печерском и других центральных монастырях. Туда охотно поступали сыновья крупных вельмож, стремящиеся сделать карьеру, прежде всего – духовную. Будущие церковные иерархи изучали богословие, греческий язык, церковную литературу и красноречие. По-видимому, с конца XII в. некоторые русские люди получали образование в зарубежных университетах. Косвенное свидетельство этому мы находим в «Молении Даниила Заточника»: «Я, княже, ни за море не ездил, ни у профессоров не учился, ...я по многим книгам собирал сладость слов и смысл их...» [143, т. 1, с. 399].

Ярчайшим свидетельством высокого культурного уровня Киевской Руси является «Слово о полку Игореве» (1185). Упомянем еще Владимирский летописный свод 1206 г., созданный, возможно, при участии князя Константина Мудрого, о котором современники говорили, что он «великий был охотник к чтанию книг и научен был многим наукам...» [168, с. 341].

В Киевской Руси X–XII вв. было очень много для того времени городов – центров ремесел, торговли, культуры и просвещения. Недаром в скандинавских сагах Русь называется «Гардарик – страна городов». Население средневековых русских городов (Киева, Новгорода, Чернигова, Смоленска и др.) составляли феодалы, духовенство, купцы и посадские люди: строители, ремесленники, мелкие торговцы, моряки. Горожане общались с иноземными купцами и сами ездили в другие земли. Большинство жителей были грамотны и умели считать, о чем свидетельствуют именные надписи (клейма) на оружии и ремесленных изделиях, берестяные грамоты и надписи (граффити) на стенах. (Много интересных и забавных примеров того, о чем писали жители древнерусских городов, можно найти, например, в [168, с. 318–319].) Новгородским дьяконом^[16] Кириком в 1136 г. был написан математический трактат «Учение, имже ведати человеку числа всех лет».

В Древней Руси было немало грамотных и образованных женщин. Грамотными были не только монахини и представительницы знатных семей, но и обыкновенные горожанки, о чем свидетельствуют берестяные грамоты, на которых запечатлены обыденные женские заботы, сообщения о радостных и печальных событиях. В 1993 г. в Новгороде было найдено любовное послание на бересте XI в. (подробнее см., например, [42, с. 93]). Княгини, боярыни, монахини собирали библиотеки, заказывали рукописи и сами участвовали в их переписывании. Многие были наставницами, учившими своих и чужих детей «книжной премудрости». К сожалению о них сохранилось очень мало сведений, в основном, мы знаем лишь о представительницах знатных фамилий. К ним относится княжна Анна – одна из дочерей Ярослава Мудрого. Анна в 1048 г. вышла замуж за короля Франции Генриха I. Она покорила французский королевский двор своим умом и образованностью, слава о ней дошла до Рима, ей писал папа Николай II. Документы Анна подписывала на разных языках, в том числе на родном языке, кириллицей: «реги́на Анна». После смерти Генриха в 1060 г. Анна была руководительницей и воспитательницей несовершеннолетнего короля Филиппа. На многих документах сохранились подписи:

«Филипп и королева, мать его» или «Анна, мать короля Филиппа» (см. [42, с. 95]). Анна основала женский монастырь – аббатство Санлис, которому передала свою библиотеку.

Много времени и средств отдавала заботам о просвещении русских женщин Анна Всеволодовна, внучка Ярослава Мудрого и сестра Владимира Мономаха. Она основала в Киеве женский Андреевский монастырь и в 1086 г. организовала в нем первую на Руси школу для девочек, в которой, согласно летописи, «собравши младых девиц, неколико обучала писанию, тако же ремеслам, пению, швению и иным полезным занятиям» (цит. по [42, с. 99]). В то время монастырских школ даже для мальчиков было очень мало, преобладало домашнее обучение. В княжеских семьях княжичей и княжон учили чтению, письму, началам математики и философии, а также «ритории», «глаголению инемними языками» и «врачебной хитрости» (см. [42, с. 99]).

Знаменитой просветительницей начала XII в. была княжна Евфросинья Полоцкая. Она родилась ок. 1100 г. и, видимо, получила хорошее домашнее образование. В то время Полоцк был высокоразвитым культурным и экономическим центром, наряду с Киевом и Новгородом. В белокаменном Софийском соборе Полоцка была библиотека, действовал скрипторий, велось летописание. Совсем юной девушкой Евфросинья ушла из дома, без согласия родителей постриглась в монахини и поселилась «во церкви Святой Софии, в голубице», т.е. в чердачной пристройке для хранения книг. В ней Евфросинья проводила время за чтением и переписыванием рукописей. Позднее она основала мужской и женский монастыри и две церкви. В монастырях Евфросинья организовала небольшую школу, в которой обучала грамоте девочек, в том числе, своих младших сестер. Евфросинья умерла ок. 1175 г. в Иерусалиме, во время паломничества в Палестину, ее тело перевезли в Киев и похоронили в Киево-Печерском монастыре. Евфросинья была причислена к лику святых, о ней написано «Житие», в котором есть такие строки: «Евфросинья – небопарный орел, попаривший от Запада и до Востока, яко луна солнечная, просветивши всю землю Полоцкую!» (цит. по [42, с. 103]).

Эти и ряд других примеров свидетельствуют о высокой образованности и подвижничестве женщин Киевской Руси.

Мы видим, что просвещение и обучение в Киевской Руси было, в основном, «книжным». Книги были источником распространения грамотности в Древней Руси, а их чтение – одним из любимых занятий. Поэтому интересен вопрос о том, каким был круг чтения русских людей на начальном этапе нашей истории.

В первую очередь, это были книги Священного писания. Первая точно датированная книга, сохранившаяся до нашего времени, – «Остромирово евангелие». Евангелие было выполнено по заказу новгородского посадника Остромира в 1056–1057 гг. Сделанное на прекрасно обработанном пергаменте оно и сейчас, почти через тысячу лет, поражает тщательностью исполнения, богатством колорита, красотой миниатюр, букв и заставок. До нас дошло имя дьякона Григория – одного из писцов, работавшего над Евангелием; имена художников неизвестны, не знаем мы и откуда они родом. Извилистыми путями книга дошла до нас, и с 1806 г. она хранится в Петербурге, в Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Не только в древности, но и на протяжении многих столетий любимым чтением во всех слоях русского общества была Псалтырь (сборник псалмов). В XII в. Владимир Мономах брал Псалтырь с собой в военные походы, а в XVIII в. Ломоносов называл Псалтырь, «рифмотворно переложенную» Симеоном Полоцким, наряду с «Арифметикой» Магницкого и «Грамматикой» Смотрицкого, «воротами своей учености».

Помимо книг Священного писания популярны были переводные апокрифы (по гречески, апокриф – тайный, сокровенный) – тексты, повествующие о жизни библейских и евангельских персонажей, не вошедшие в канон Священного писания. Несколько наиболее интересных апокрифических памятников XI–XII вв., дошедших до нас в ранних списках, можно прочи-

тать в серии «Памятники литературы Древней Руси» [143, т. 2]. Впоследствии апокрифы были включены в «индексы» – списки запрещенных («отреченных» книг, чтение и распространение которых церковью решительно осуждалось, а виновные в нарушении запретов преследовались. Одним из любимых произведений в Киевской Руси был «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского. В нем рассказывалось о сотворении мира за шесть дней – отсюда и название. Человек здесь представлен «как центр вселенной, ради которого живет и совершается все в природе и который нравственно отвечает поэтому за все то, что его окружает и ему, в сущности, принадлежит и подчиняется» [143, т. 2, с. 15]. Болгарский «Шестоднев», по мнению Д.С. Лихачева^[17], оказывал «сильное влияние на всю русскую литературу и отчасти на изобразительное искусство вплоть до XVIII в.» [143, т. 2, с. 15].

Популярным чтением были патерики и изборники. Народ ценил в них занимательность, легкую беллетристическую форму, обилие повторяющихся сюжетов восточной и европейской литературы. Древнейшим патериком, переведенным с греческого на славянский язык еще в XI в. и дошедший до нас в списке XI в., является так называемый «Синайский патерик» [143, т. 2, с. 117]. Он был составлен в начале VII в. палестинским монахом Иоанном Мосхом (ум. в 622 г.) по наблюдениям во время его путешествий по Палестине, Сирии и Египту. Первым оригинальным русским патериком был Киево-Печерский патерик.

Важную просветительскую роль играли изборники – собрания статей энциклопедического характера. Наиболее известен «Изборник» Святослава, сына Ярослава Мудрого (1073 г.). Оригинал для этой книги послужил болгарский перевод с греческого, сделанный для царя Симеона и привезенный в Киев в составе преславской библиотеки. «Изборник» 1073 г. сделан в скриптории Киевской Софии с большим мастерством и богато иллюстрирован. В частности, на одной из миниатюр изображена княжеская семья, на переднем плане – князь Святослав Ярославич с книгой в руках. Это первый на Руси дошедший до нас светский портрет. «Изборник» содержит более 400 статей, причем кроме статей религиозного содержания в ней помещены статьи по астрономии, философии, ботанике, зоологии, грамматике, истории и др. [42, с. 17].

«Изборник» 1076 г., по-видимому, составленный дьяком Иоанном, – уже не просто тщательная компиляция, он содержит оригинальные тексты. В частности, «Слово о почитании книжном» – это сочинение о пользе и правилах чтения. Вот один из советов: «Когда читаешь книгу, не старайся дочитать до другой главы, но уразумей, о чем говорит книга и словеса те, и трижды возвращайся к каждой главе» (цит. по [42, с. 17]).

Одним из важнейших источников для древнерусской литературы было устное народное творчество (былины, сказания и т.п.). Надо иметь в виду, что книги не только читали, но и слушали, а потом пересказывали другим. Об этом свидетельствуют не только сюжеты наиболее популярных произведений, но и их названия: «Слово», «Поучение», «Сказание» и т.п. Таковы «Слово о Законе и Благодати» сподвижника Ярослава Мудрого, первого русского митрополита Илариона, «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о князьях», посвященное первым русским святым Борису и Глебу, «Слово, или моление Даниила Заточника» и многие другие.

Оценивая Киевский период Российской истории, Г.П. Федотов писал: «Мы знаем, что русский Киев лишь очень мало использовал культурные возможности, которые открывала ему сыновняя связь с матерью – Грецией. Говорят, что он даже торопился оборвать и церковные связи, рано утверждая свою славяно-русскую самобытность. Захлестнутый туранской волной, он не сумел создать во всей чистоте на счастливом юге очагов и русской культуры. Но в куполе святой Софии был дан ему вечный символ – не только ему, но и всей грядущей России» [188]. Федотов утверждал, что в этом символе «дано указание нашего особого пути среди христианских народов мира».

Иные символы и иные пути берут свое начало в истории Северовосточной Руси и особенно Новгорода.

Великий Новгород – «источник русской народности» (Белинский) – в XI–XIII вв. был одним из крупнейших городов Европы. Он находился на перекрестке важнейших торговых путей и имел тесные связи со многими странами. Представление о своеобразной культуре богатого и красивого города, так ярко описанного в былинах о Садко XI в., дают нам Софийский собор, воздвигнутый в XI в. по указанию новгородского князя Владимира, сына Ярослава Мудрого, Георгиевский собор Юрьева монастыря (нач. XII в.) и другие сохранившиеся до наших дней церкви с замечательными фресками и иконами.

Сведения о жизни и занятиях новгородских бояр, купцов и ремесленников мы черпаем из былин, летописей, сведений многочисленных иностранных гостей, описаний «хождений» новгородцев в ближние и дальние страны. Так, в конце XII в. новгородец Добрыня Ядрейкович совершил хождение в Царьград и Святую землю и составил подробное описание этого путешествия.

Наши знания о быте, занятиях и уровне образованности новгородцев существенно расширились благодаря археологическим изысканиям, начатым в Новгороде в 1951 г. под руководством академика А.В. Арциховского. В результате многолетних раскопок в различных культурных слоях были обнаружены улицы с деревянными мостовыми, дома, мастерские, боярские терема, многие тысячи предметов ремесла и быта. Сенсацией стала находка первого берестяного свитка, случившаяся вскоре после начала раскопок. С тех пор были открыты сотни берестяных грамот, они хранятся в музеях, их изучают филологи и историки, о них написаны статьи, монографии и научно-популярные книги (см., например, [117], [168], [209]).

На бересте писали деловые и любовные письма, черновые записки и официальные документы. Большое количество найденных берестяных грамот, а также надписи и клейма на изделиях ремесленников, оружии, бытовых вещах и стенах церквей свидетельствуют о широком распространении грамотности среди новгородцев, причем не только знатных и богатых, но и среди посадских людей, как мужчин, так и женщин. В Историческом музее хранятся куски бересты, на которых новгородский мальчик Онфим, обучаясь грамоте, царапал специальной заостренной палочкой («писалом») буквы алфавита. На берестах Онфима есть множество рисунков, по которым можно судить об интересах и мировосприятии маленького новгородца, и даже выписка из делового документа, сделанная, видимо, в качестве упражнения [117, с. 181–182]. О том, что в обучение отдавали не только мальчиков, но и девочек, свидетельствует прясло^[18], на котором его хозяйка нацарапала буквы алфавита, чтобы это «пособие» было всегда под рукой. По найденным археологами записям двух новгородских школьников, датированным 1263 годом, можно частично восстановить содержание начального обучения. Ученики изучали коммерческую корреспонденцию, цифирь, учили основные молитвы [168, с. 319].

XIII–XIV вв. – трагическое время в истории России. Батыево нашествие, ордынское иго, внутренние распри, чума и пожары разрушили весь уклад русской жизни, привели к длительному периоду упадка русской культуры и образования. Разграблялись и горели города и монастыри, с ними гибли рукописи, иконы и другие предметы культурного наследия. В результате, по мнению Д.С. Лихачева, исчез тип древнерусского человека. Наметившееся в XII в. культурное отставание Руси от Западной Европы катастрофически усилилось за время ордынского ига.

Хотя леса и болота защитили Новгород от ордынских набегов, татаро-монгольское иго и общий упадок Руси сказались и на нем. К тому же новгородцы несли основное бремя защиты западных рубежей Руси. Новгородская республика постепенно слабела из-за внутренних сословных противоречий и постоянных смут. В конце XV в. Новгород окончательно утратил самостоятельность и был подчинен Москве.

Вот, что писал о Новгороде Г.П. Федотов: «Есть в наследстве Великого Новгорода завещанное Петербургу, чего не понять никому, кроме города Святого Петра. Первое – завет Александра – не сдавать Невской победы, оборонять от ливонцев (ныне финнов) и шведов невыездные

берега. Второе – хранить святыни Русского Севера, самое чистое и высокое в прошлом России. Третье – слушать голоса из-за моря, не теряя в виду ганзейских маяков» [188].

Первые признаки оживления культурной жизни Руси обнаруживаются лишь с середины XIV в. Взамен запустевших и разрушенных монастырей строятся и обживаются новые, и главный среди них – Троицкий, основанный Сергием Радонежским (в настоящее время – Троице-Сергиева лавра). Монастыри вновь обретают значение не только духовных, но и просветительских центров. Постепенно восстанавливаются религиозные и культурные связи с Византией, Болгарией и Сербией. На Руси появляется множество книг, переведенных на славянский язык в монастырях Греции, Болгарии, Иерусалима, Синая. В их числе – богословские, церковно-канонические, церковно-служебные, исторические и литературные произведения (подробнее см. [143, т. 4]).

1.2. Русское государство в XV–XVI вв.

В истории Западной Европы XV–XVI вв. – это время образования национальных государств, великих географических открытий, Возрождения, Гуманизма, Реформации и первого этапа научной революции. В истории России XV век – это время создания единого государства под властью Москвы. Русь постепенно вовлекалась в общемировую политику. Во время правления Ивана III (1462–1505) укреплялись дружественные связи с королем Венгрии и австрийским герцогом, устанавливались союзнические отношения с крымским ханом и молдавским господарем против Турции. После победы над Литовским княжеством по договору 1494 г. князь Александр (с 1501 г. – король объединенного Польско-Литовского государства) признал за Иваном III титул «Государя всея Руси».

Иван III одержал бескровную победу над Золотой Ордой (1480), решил внешнеполитические проблемы в Европе, умирил амбиции удельных князей, присоединил Новгород и Тверь. В конце царствования он занялся благоустройством Москвы, строительством Кремля, преобразованием управления и совершенствованием законодательства. В 1497 г. был составлен «Судный устав», или «Судебник», значительно расширяющий и уточняющий «Русскую правду» Ярослава Мудрого.

До конца XV в. на Руси не было полного перевода Библии на церковнославянский язык. Первая полная Библия была составлена новгородским архиепископом Геннадием в 1499 г. Примечательно, что даже в новгородской Софийской библиотеке, одной из самых богатых библиотек того времени, не нашлось многих книг Ветхого завета, и Геннадию пришлось собирать их по разным монастырям. Трудно было найти исправный список Псалтири, несмотря на всю важность этой книги при богослужении и обучении. Геннадий и его помощники сверяли и правили имевшиеся на славянском языке тексты, отсутствующие переводили с греческого и латинского языков (подробнее см. [192, с. 245]). Список Библии, составленной архиепископом Геннадием, хранился в Московской синодальной библиотеке.

Архиепископ Геннадий был одним из первых на Руси борцов с ересью, и в этой борьбе большое внимание уделял образованию, справедливо полагая, что малограмотные и непросвещенные священники не смогут противостоять хорошо обученным и поднаторевшим в богословских спорах еретикам. В послании митрополиту он просил «печаловаться перед великим князем Иваном III, чтобы велел училища учинити». Дело в том, что юные кандидаты в священники часто обучались церковным службам с голоса, т.е. заучивали их на слух, оставаясь неграмотными. Из послания Геннадия можно составить представление о том, как обучали детей тогдашние платные учителя – так называемые «мастера грамоты». Геннадий пишет: «Мой совет учить в училище, прежде всего, азбуке, словам под титулом да Псалтири: когда это изучат, тогда уже можно читать и всякие книги. А мужики-невежи учат ребят – только портят. Сперва научит его вечерне, и за это приносят мастеру каши да гривну денег. То же полагается и за заутреню, а за часы ⁽¹⁹⁾ – плата особая. Сверх того, даются еще поминки, кроме усиленного магарыча. А отойдет [такой ученик] от мастера – ничего и не умеет...» (цит. по [125, с. 208]).

Спустя полвека на Стоглавом соборе (1551) повторялись те же жалобы на то, что будущим священнослужителям негде учиться: «Мыде учимся у своих отцов или у своих мастеров, а инде нам *учиться негде*; сколько отцы наши и мастера умеют, столько и нас учат». Собор постановил устроить в домах городских священников училища, в которых бы обучали грамоте, письму и церковному пению. Они в основном предназначались для детей духовенства, но допускались дети «всех православных христиан» (цит. по [125, с. 209]). Однако это решение Стоглавого собора не было осуществлено.

В течение всего правления Ивана III расширялись дипломатические, торговые и военные связи с Европой. Из Италии, Германии и других европейских стран на Русь приезжали

архитекторы, строители, мастера литейного дела, чеканщики и др. Но, как пишет Н.И. Костомаров^[20], «для распространения всякого рода умелости в русском народе не сделано было ничего» [101, т. 1, с. 294]. В XV в., «когда греки, рассеявшись [из Византии] по Западной Европе, обновляли ее, знакомя с плодами своего древнего просвещения, и положили начало великому умственному перевороту, известному в истории под именем эпохи Возрождения, в Московском государстве, где исповедовалась греческая вера и где государь [Иван III] был женат на греческой царевне, они почти не оказали образовательного влияния». В качестве причин этого парадокса Костомаров называет «долговременное азиатское варварство..., деспотические наклонности Ивана III и бесцеремонное обращение с иноземцами» [101, т. 1, с. 294].

Подводя итог царствованию Ивана III, Костомаров делает вывод, поучительный и сегодня: «Истинно великие люди познаются тем, что опережают свое общество и ведут его за собою; созданное ими имеет прочные задатки не только внешней крепости, но духовного саморазвития» [101, т. 1, с. 309] (выделено нами: О.З. и А.К.). Русское общество «без задатков самоулучшения, без способов и твердого стремления к прочному народному благосостоянию, не могло двигаться вперед на поприще культуры, простояло два века, верное образцу, созданному Иваном, хотя и дополняемое новыми формами в том же духе, но застывшее и окаменелое в своих главных основаниях... И ничего не могло произвести оно, пока могучий ум истинно великого человека – Петра, не начал пересоздавать его в новое государство уже на иных культурных началах» [101, т. 1, с. 309]. Таким образом, Костомаров видит причину духовной «застывлости и окаменелости» русского общества в отсутствии, как мы сказали бы сейчас, «политической воли».

Ключевский тоже пишет о «жалком состоянии» русской науки и образования, но предлагает иные, чем Костомаров, объяснения такого положения. В качестве главной причины он называет «религиозную самоуверенность» церкви и общества. Ключевский имеет в виду то обстоятельство, что после падения Константинополя в 1453 г. русское общество ощутило свое отечество последним и единственным в мире оплотом истинной веры и благочестия. Инок Филофей^[21] писал великому князю Василию III (1479–1533), отцу Ивана Грозного: «Два Рима пали, третий – Москва стоит, а четвертому не бывать. Соборная церковь наша в твоём державном царстве одна теперь паче солнца сияет благочестием во всей поднебесной; все православные царства собрались в одном твоём царстве; на всей земле один ты – христианский царь» (цит. по [94, т. 3, с. 293]).

Ключевский выводит из этого обстоятельства два важных следствия [94, т. 3, с. 295–296]:

1) церковные обряды, завещанные местной стариной, получили значение неприкосновенной и неизменной святыни;

2) в русском обществе установилось подозрительное и надменное отношение к участию разума и научного знания в вопросах веры.

По мнению Ключевского, «...гадливое и боязливое чувство овладевало древнерусским человеком при мысли о риторской и философской еллинской мудрости». В подтверждение этой мысли Ключевский приводит цитату из древнерусского поучения: «Богомерзостен пред богом всякий, кто любит геометрию; а се душевные грехи – учиться астрономии и еллинским книгам; по своему разуму верующий легко впадает в различные заблуждения...» Вторая приведенная им цитата кажется особенно убедительной, поскольку она взята из школьных прописей: «Братия, не высокоумствуйте! Если спросят тебя, знаешь ли философию, отвечай: еллинских борзостей не текох, риторских астрономов не читах, с мудрыми философами не бывах...» Далее Ключевский пишет о «самоуверенности незнания» и приводит автохарактеристику древнерусского книжника: «Аще не учен словом, но не разумом, не учен диалектике, риторике и философии, но разум христов в себе имею» [94, т. 3, с. 296].

Такое отношение к наследию Древней Греции прискорбно, если понимать, как важно оно было для Руси. Вот, что писал об этом Федотов «...безумием было бы думать, что духовная

жизнь России может расти на «диком корню» какой-либо славянской или туранской исключительности. Великое счастье наше и незаслуженный дар Божий – то, что мы приняли истину в ее вселенском средоточии. Именно в Греции и больше нигде связываются в один узел все пути мира» [188]. Федотов полагал, что «неизбежный для России путь приобщения к Ренессансу^[22] не был бы для нас столь болезненным, если бы мы пили его воды из чистых ключей Греции» [188].

Низкая оценка культурного развития Руси в XV–XVI вв. некоторым современным историкам представляется односторонней и несправедливой. Есть исследователи, которые усматривают на Руси этого периода даже элементы Возрождения (см., [79, т. 3, с. 556]). Да, XVI век был для Руси трудным и трагическим. Но в это время жили не только Иван Грозный и Малюта Скуратов, но также Максим Грек, Иван Федоров и многие другие деятели духовного возрождения Руси.

Максим Грек. Деятельность Максима Грека (ок. 1470–1556) столь значительна, что дает основание признавать наличие некоторых черт Ренессанса и Гуманизма на Руси в XVI в.

Молодость Максима Грека (до пострижения – Михаила Триволиса) прошла в Италии. Он сотрудничал с видными итальянскими гуманистами Анджело Полициано, Джованни Франческо Пико делла Мирандолой, племянником выдающегося автора «Речи о достоинстве человека», изучал философию, языки и литературу. Затем Максим увлекся проповедями Савонаролы и провел несколько лет в доминиканском монастыре Св. Марка во Флоренции. В 1505 г. он постригся в монахи Ватопедского монастыря на Афоне. По просьбе великого князя Василия III в 1518 г. Максим прибыл в Москву в качестве переводчика.

Вклад Максима Грека в русскую культуру огромен. Он обогатил русскую литературу новыми переводами текстов Св. Писания, сочинений отцов церкви и житий святых. Он сформулировал принципы переводческой деятельности, начал работу по исправлению русских богослужебных книг, сыграл немалую роль в формировании русского литературного языка, обособлении его от болгарского и сербского.

Разностороннее образование, глубокое знание духовной и светской литературы привлекали к Максиму Греку людей. Вокруг него сформировался кружок образованных людей – некоторое подобие флорентийской Платоновской академии^[23]. Максим Грек считал необходимым просвещение и образование для самых широких слоев общества, в том числе тех, кто управляет страной. Эти идеи он высказал в своих произведениях – описании Парижского университета и повествовании о Савонароле. Многочисленные «Сказания» Максима Грека знакомили русских читателей с греческими мифами, античными философами, великими географическими открытиями и другими историческими событиями. Примечательно, что в одном из «Сказаний» Максим Грек изображает Прометея как изобретателя грамоты, научившего людей книжной премудрости [42, с. 222].

Максим Грек предпринял обширную правку имеющихся славянских переводов богослужебных книг. Эта деятельность вызвала недовольство церковных и светских властей. Максим был обвинен в искажении текстов священных книг, в ереси и других грехах, дважды судим (в 1525 и 1531 гг.) и провел более четверти века (ум. в 1556 г.) в заточении в разных монастырях. В последние годы жизни Максима Грека условия его содержания были существенно смягчены: в 1551 г. его перевели в Троице-Сергиев монастырь, где он был встречен с большим почетом и жил «в большой чести и похвале». Здесь он составил и отредактировал собрание своих сочинений и отдал их в переписку приставленным к нему писцам, написал несколько новых произведений. Несмотря на то, что обвинения с Максима Грека не были сняты, а сочинения оставались под запретом, их распространяли, читали и обсуждали. Митрополит Макарий даже включил несколько его произведений в «Великие Минеи-Четьи»^[24]. Максима Грека незадолго до его кончины посетил Иван Грозный. Некоторые ученые полагают, что Максим, в

молодости знавший венецианского первопечатника Альда Мануция, уговаривал царя организовать на Руси книгопечатание (см., например, [42, с. 223–224]).

Иван Федоров. Деятельность русского первопечатника Ивана Федорова (ок. 1510–1583) сыграла важную роль в развитии российского просвещения. К сожалению, она продолжалась менее двух лет. Первая печатная книга «Апостол» датируется 1564 годом. В следующем году были напечатаны два издания Часовника, служившего не только богослужебной, но и учебной книгой для расширявшейся сети начальных школ при церквях и монастырях. В 1565 г. издательская деятельность в Москве Ивана Федорова и его помощника Петра Мстиславца прекратилась. Типография была закрыта, первопечатников обвинили в ереси, и они «презельного ради озлобления от многих» вынуждены были бежать из Москвы. Московская типография вновь открылась в 1568 г. Ученик изгнанных первопечатников Андрей Невера напечатал два издания Псалтири. Появились новые типографии и вне Москвы. Кроме богослужебных книг распространение получили также печатные «Азбуковники» – своего рода толковые словари или энциклопедии.

Но даже после возобновления книгопечатания в Москве и появления новых типографий в других городах печатная книга не вошла в обиход русского человека XVI в. так, как это произошло в Европе. Академик А.М. Панченко объясняет это принципиальным отличием книгопечатания от процесса создания рукописной книги: «Рукопись и человека, который ее изготавливает, связывают незримые, но неразрывные узы. ...Созданию книги приличествуют «чистота помыслов» и определенные ритуальные приемы, например, омовение рук. Все это печатный станок делает нелепым и автоматически упраздняет. Ясно, что книгопечатание воспринималось как резкое нарушение традиции. Неодушевленное устройство оттесняло человека от книги, рвало соединявшие их узы. Требовалось время, чтобы человек смирился с этой новацией, чтобы книгопечатание стало привычкой русской культуры, ее обиходом» [77, с. 12].

Покинув Москву, Федоров и Мстиславец нашли пристанище в имении великого гетмана литовского Григория Ходкевича – известного ревнителя православия. Здесь они создали новую типографию и издали «Учительное Евангелие», а также «Псалтирь с Часословцем», широко использовавшуюся при обучении грамоте. Затем Иван Федоров переехал во Львов, где основал собственную типографию. Во Львове он предпринял новое издание «Апостола» и напечатал «Азбуку» – первое русское учебное пособие. Эта небольшая книга включала в себя алфавит, разнообразные упражнения для обучения чтению, примеры склонения существительных и спряжения глаголов, тексты для закрепления навыков чтения. Свои издания Иван Федоров обычно снабжал послесловиями (см. [143, т. 7, с. 288–299]). Так вот, в послесловии к «Азбуке» ее создатель написал: «Возлюбленный и чтимый христианский русский народ греческого закона. Не от себя написал я это немногое, но от учения божественных апостолов и богоносных отцов и от грамматики преподобного отца Иоанна Дамаскина, сократив до малого, сложил для скорого обучения детей» (цит. по [42, с. 250]). Напечатав «Азбуку», Иван Федоров оставил о себе память не только как об искусном печатнике, но и как о просветителе и педагоге. Из Львова Федоров переехал в Острог, где по инициативе князя Константина Острожского для подготовки полного печатного издания Библии была создана так называемая Острожская академия – кружок ученых во главе с Герасимом Смотрицким. По греческой Библии острожские издатели исправляли присланный им из Москвы Геннадиевский сборник. «Острожская библия» – выдающийся памятник культуры Древней Руси и полиграфического искусства русского первопечатника Ивана Федорова.

Приведем некоторые факты, свидетельствующие о том, что хотя и очень медленно, с перерывами и провалами, но русское общество развивалось и просвещалось. Одним из проявлений оживления культурной жизни Руси на рубеже XV–XVI вв. стал интерес к событиям и деятелям мировой истории, во многом обусловленный возникновением дипломатических и торговых отношений с зарубежными странами. Например, в конце XV в. были установ-

лены дипломатические отношения с Грузией, и к этому времени относится «Повесть о царице Динаре» анонимного (как было принято в то время) автора, причем историческим прототипом Динары послужила грузинская царица Тамара, правившая в 1184–1212 гг.

Появились переводы исторических и биографических сочинений: например, «Троянская история» – перевод романа Гвидо де Колумна «История разрушения Трои», «Сказание об Аристотеле» – перевод жизнеописания Аристотеля из книги Диогена Лаэртского. В 1512 г. в Иосифо-Волоколамском монастыре был составлен «Русский хронограф» – грандиозный свод всемирной истории, содержащий библейскую историю, рассказы о царях Вавилона и Персии, о походах Александра Македонского, сведения из истории Рима, Византии, Руси, Болгарии, Греции и других стран от «сотворения мира» до середины XV в. [143, т. 6].

Важным свидетельством общественного и культурного подъема на Руси стало бурное развитие публицистики – религиозной и политической. Обсуждался широкий круг проблем, касающихся земельной собственности, государственного строительства, княжеской (позднее – царской) власти, ее обязанностей по отношению к подданным и взаимоотношений с церковью. Велись споры о социальной и нравственной роли церкви и монашества, о месте Руси в мировой истории и русской церкви в истории христианства. В большом количестве появлялись поучения, наставления, челобитные, полемические послания. Их авторами были Иван Пересветов, Федор Карпов, Ермолай-Еразм, старец Филофей и другие (подробнее см. [79, т. 3, с. 557–560]).

Ярким примером религиозной публицистики на рубеже XV–XVI вв. является полемика между иосифлянами – сторонниками Иосифа Волоцкого^[25] и так называемыми нестяжателями^[26].

Иосифляне выступали сторонниками крупных общежительных монастырей, имеющих большие земельные наделы, мотивируя это тем, что доходы от монастырской хозяйственной деятельности необходимы для строительства церквей, благотворительности и других монастырских нужд. Нил Сорский и его последователи были противниками церковного землевладения и сторонниками скитской формы «бедного» монастыря. Согласно доктрине нестяжателей, функции монастырей должны ограничиваться духовной сферой, учительством, просвещением паствы и нравственным воздействием. Сочинения Нила Сорского и Вассиана Патрикеева отличаются не слишком характерными для того времени нравственной чистотой, терпимостью и гуманностью. Эти качества особенно проявились в полемике по поводу отношения к еретикам. Иосиф Волоцкий в «Слове об осуждении еретиков» и «Послании» великому князю Василию проповедовал крайнюю религиозную нетерпимость, он требовал казнить всех еретиков, даже раскаявшихся в своих заблуждениях. В «Ответе кирилловских старцев», написанному, по-видимому, Вассианом Патрикеевым, ставшим главой нестяжателей после смерти Нила Сорского, осуждается инквизиторская позиция Иосифа Волоцкого и предлагается «нераскаявшихся и непокорных еретиков... держать в заключении», а «покаявшихся и проклявших свое заблуждение» прощать и возвращать в лоно церкви [143, т. 6, с. 359].

По-видимому, в середине XVI в. начинается дискуссия о языке, поскольку к этому времени церковнославянский язык богослужения, литературы и школы уже существенно отличался от разговорного русского языка. Обсуждалось соотношение «книжных и народных речей»: следует ли «уподобляти и низводити книжные речи от общих народных речей» или же «от книжных речей и общия народныя речи исправляти» (цит. по [79, т. 3, с. 558]).

Вышесказанное позволяет предположить, что обилие публицистических сочинений в XV–XVI вв. и позднее было реакцией на то обстоятельство, что на Руси не было университетов и присущих им диспутов. Следовательно, в отсутствие возможности и традиции открытой дискуссии полемика могла быть только заочной. Отметим также, что тот факт, что в свое время на Руси не было схоластической философии, спустя столетия сказался на русской философии XIX–XX вв., придав ей литературно-публицистический характер, а отсутствие евро-

пейской средневековой традиции применения схоластического метода в обучении до сих пор является одной из причин косности и начетничества в нашей системе образования^[27].

В 50–60-е гг. XVI в. Иван IV со своими ближайшими советниками (так называемой «Избранной радой») провел ряд реформ, которые должны были обновить весь уклад жизни Московской Руси. Большое значение имела реформа местного самоуправления, целью которой была борьба с кормлениями и другими пережитками удельного правления, т.е. централизация финансово-экономической власти. В ходе этой реформы были созданы земские выборные органы, в ведение которых отдавались полицейские и судебные функции, а в некоторых волостях и уездах – также финансовое управление [94, т. 2, с. 364].

Другим важным компонентом формирования гражданского общества стал созыв земских соборов. Первый собор, созданный Иваном IV, заседал в Москве в 1550–1551 гг. Собор был назван Стоглавым, по числу глав, в которые были сведены его решения в особой книге – «Стоглаве». В гл. 26 «Об училищах книжных по всем градам» говорилось: «В царствующем граде Москве и по всем градам избрати добрых духовных священников и дьяконов и дьяков... И у тех священников и дьяконов и у дьяков учинити в домех училища, чтобы священники и дьяконы и все православные хрестьяне... предавали своих детей на учение грамоте книжнаго писма и церковного петия» (цит. по [80, с. 127]). Нет никаких сведений, что во исполнение решений Собора было открыто хотя бы одно такое училище (см., например, [94, т. 2, с. 397]).

На Стоглавом соборе был принят новый «Судебник», существенно дополнявший и уточнявший «Судебник» 1497 г. В частности, в новом «Судебнике» была юридически оформлена вышеупомянутая реформа местного самоуправления. Отметим, что в следующем соборе 1566 г. кроме представителей высших сословий принимали участие и посадские люди.

Реформы, о которых мы говорим, были направлены на централизацию и унификацию не только политической и экономической, но также культурной жизни Московской Руси. Мону-ментальные произведения этой эпохи «Стоглав», «Домострой», «Великие Минеи-Четьи», «Степенная книга», «Судебник» имели характер официальных предписаний, установлений и поучений, при этом предполагался «единый быт всех слоев общества, единый круг чтения для всех, единое законодательство – как и единая денежная система» [143, т. 7, с. 6].

Обширные заметки под названием «О государстве Русском, или образ правления Русского Царя (обыкновенно называемого Царем Московским), с описанием нравов и обычаев жителей этой страны» оставил Дж. Флетчер, английский посланник в 1588–1589 г. Приведем отрывок из его сочинения, в котором Флетчер описывает характерные, на его взгляд, черты русских людей того времени: «...они обладают хорошими умственными способностями, не имея, однако, тех средств, какие есть у других народов для развития их дарований воспитанием и наукою. Правда, они могли бы заимствоваться в этом случае от поляков и других соседей своих; но уклоняются от них из тщеславия, предпочитая свои обычаи обычаям всех других стран. Отчасти причина этому заключается и в том..., что образ их воспитания (чуждый всякого основательного образования и гражданственности) признается их властями самым лучшим для их государства и наиболее согласным с их образом правления, который народ едва ли бы стал переносить, если бы получил какое-нибудь образование и лучшее понятие о Боге, равно как и хорошее устройство» (цит. по [130, с. 601–602]).

Вторая половина царствования Ивана Грозного ассоциируется с опричниной, массовыми репрессиями против отдельных людей и целых городов. Были разрушены не только слабые ростки гражданского общества, но самые основы государственности, предопределив тяжелейшие события рубежа XVI–XVII вв. Особенно опасным было усиливавшееся отставание страны в военном отношении.

Древнерусские концепции и средства обороны, а также вооружение армии абсолютно не соответствовали той военной силе, которой располагали внешние враги России. Например, с XII века на Руси строились ограждения для защиты от набегов кочевников. В полях они

состояли из насыпных валов, в лесах – из засек^[28]. Эти грандиозные сооружения лишь масштабами отличались от стен древнерусских городов, т.е. Россия пыталась строить оборону своих рубежей подобно обороне одного древнерусского города – как пассивную (необороняемую) ограду. В XIII–XV вв. засечные линии не защищали от набегов ордынских отрядов: кочевники просто обходили их. Тем более позже такие линии не могли оградить от нападений крымских ханов, поскольку их отряды были вооружены лучше, чем ордынские. Например, Большая засечная черта, протянувшаяся от Рязани до Тулы, строительство которой было завершено к 1566 г., не помешала армии хана Девлет-Гирея 3 июня 1571 г. дотла сжечь Москву и на другой день по рязанской дороге уйти в степь, по пути грабя всех и вся. Год спустя в битве при Молодях (29 июля – 3 августа 1572 г.) князья М.И. Воротынский и Д.И. Хворостинин показали, что побеждать крымцев нужно активными действиями с использованием гуляй-городов^[29].

Успехи войск под предводительством князя Воротынского способствовали упразднению опричнины, но молодинский урок стратегии активных действий усвоен не был, и еще в течение двух столетий огромные силы тратились на устройство пассивных ограждений из лесных засек и земляных валов. Места для засек выбирались тоже по-древнерусски, т.е. на существующих границах оседлого хозяйствования, как будто все и всегда будет пребывать неизменным. О неизбежной экспансии России умы древнерусского склада думать не могли. Поэтому засеки одна за другой оказывались внутри границ России. В итоге, во времена военных походов XVII в. засеки находились глубоко в тылу русских войск, направлявшихся то на войну с турками в район Чигирина в 1677 г., то на покорение Крыма в 1687–1689 гг.

После смерти Ивана Грозного иностранные наблюдатели отмечали явные признаки преодоления кризиса и нового подъема страны: «Состояние Московского государства улучшилось, и народонаселение увеличилось. Московия, совершенно опустошенная и разоренная вследствие тирании покойного великого князя Ивана и чиновников, теперь, благодаря преимущественно доброте и кротости князя Федора, а также необыкновенным способностям Годунова, снова начала оправляться и богатеть» (цит. по [130, с. 43]). Борис Годунов (ок. 1552–1605; царь с 1598) пытался открыть в Москве высшее учебное заведение, в котором преподавали бы иностранные профессора. Этому воспротивилось духовенство, опасавшееся католического и протестантского влияния на молодежь. Тогда Годунов отправил в разные страны Западной Европы 16 юношей для обучения в университетах, но никто из них не вернулся [178, с. 68]). Возникает вопрос: почему при Годунове не хотели возвращаться, а в XVIII в. все отправленные Петром I учиться в Европу вернулись в Россию? По нашему мнению, наиболее убедительный ответ на этот вопрос заключается в том, что реформы Петра открывали широчайшее поле деятельности на военной и гражданской службе, а также в строительстве, инженерном деле, науке и культуре (об этом речь будет идти в гл. 3, § 2.1).

Период благоденствия длился недолго и, по-видимому, не мог сколько-нибудь заметно сказаться на развитии народного просвещения. Жак Маржерет, французский авантюрист, служивший при дворах Бориса Годунова, Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, оставил нам свидетельство под названием «Состояние Российской державы с 1590 по сентябрь 1606 гг.», в котором пишет: «...невежество русского народа есть мать его благочестия: он не знает ни школ, ни университетов; одни священники наставляют юношество чтению и письму, но, впрочем, и этим занимаются немногие» (цит. по [125, с. 209]).

Таким образом, мы не находим достаточных оснований говорить о заметном присутствии ренессансных и гуманистических идей на Руси в XV–XVI вв. и тем более о наличии сколько-нибудь организованной системы образования. Все это, безусловно, сказалось на будущем развитии России.

1.3. Русское государство в XVII вв.

Пресечение династии Рюриковичей, несчастливое правление Бориса Годунова, придворные интриги и страшный голод 1601–1603 гг. стали основными причинами Смуты. Формально она закончилась в 1613 г., когда на Земском соборе был избран новый царь – шестнадцатилетний боярин Михаил Федорович Романов, сын патриарха Филарета, находившегося в это время в польском плену. Но оправляться от последствий Смуты, восстанавливая государственные институты и наводя порядок в стране, предстояло почти полвека.

Новой власти приходилось решать множество задач внешней и внутренней политики, причем «прежде всего необходимо было упорядочить людские отношения, спутанные Смутой, уложить их в твердые рамки, в точные правила» [94, т. 3, с. 129]. Поэтому характерной чертой царствования Михаила Романова была интенсивная законодательная деятельность, завершившаяся во время следующего царствования принятием Соборного Уложения.

В первые годы правления Михаил не распускал Земский собор (изменялся лишь его состав), поскольку нуждался в его авторитете. Например, в казне не было денег на содержание армии и для удовлетворения других неотложных государственных нужд, и Собор постановил кроме взимания недоимок просить займы у кого только можно. Так, Строгановым^[30] были посланы две грамоты (от царя и от Собора) с просьбой о помощи разоренному государству. В ответ Строгановы прислали 3000 руб. [152, с. 275–276].

Когда в 1619 г. в Москву из плена вернулся Филарет, его влияние на жизнь страны стало решающим: хотя все грамоты писались от имени царя и патриарха, причем первым стояло имя Михаила, но «зная волю и энергию Филарета, нетрудно отгадать, кому принадлежало первенство фактически» [152, с. 281].

Личность и деятельность Филарета современники и историки оценивают в основном положительно. Так, в одной из летописей того времени говорится: «...не только слово Божие исправлял, но и земскими делами всеми правил; многих освободил от насилия, при нем никого не было сильных людей, кроме самих государей...» (цит. по [152, с. 281]). С.Ф. Платонов^[31] отмечает «общее благотворное влияние Филарета в деле устройства страны» [152, с. 281]. В том, что касается просвещения и образования народа или хотя бы служителей подведомственной Филарету церкви, какого-нибудь продвижения не было, да и трудно этого ожидать в такое трудное время восстановления страны.

Исключения составляют мероприятия, связанные с освоением новых земель. Начиная с 30-х гг., предпринимались экспедиции в Сибирь. Продвигаясь все дальше на восток, землепроходцы изучили бассейны Оби и Енисея, открыли реку Лену. В 1632 г. был основан г. Якутск, ставший опорным пунктом для новых экспедиций. В 1632–1638 гг. бассейн р. Лены исследовал Хабаров^[32]. Путешественники описывали новые земли, нравы и обычаи местных жителей, составляли «чертежи» (карты) дотоле неизвестных земель.

В 1638 г. была предпринята экспедиция И.Ю. Москвитина^[33]. Ее целью помимо «приискания новых неясных земель» и сбора пушнины, был поиск горы Чиркол, где, по слухам, были залежи серебряной руды. Экспедиция имела целью также выйти «на большое мореокмян, по тунгусскому языку Ламу», т.е. выйти к Тихому океану.

В составе казачьего отряда Москвитин отправился из Томска на Лену. Оттуда с частью отряда двинулся далее на восток, перевалил через хребет Джугджур, спустился по реке Улье и в 1639 г. достиг Охотского моря, где провел два года, исследуя побережье и разыскивая лежбища моржей. Москвитин составил первую «ропись». Она содержала сведения о реках, населении и хозяйстве Охотского края, а также первое в России упоминание об Амуре. Часть того, о чем говорилось в «Росписи», Москвитин видел сам, об остальном узнал от местных жителей. Географические данные, собранные Москвитиным, использовал тобольский казак Курбат

Афанасьевич Иванов при составлении в 1642 г. первой карты Дальнего Востока. 2 июля 1643 г. отрядом казаков из Верхотенского острога, возглавляемый К.А. Ивановым, было открыто озеро Байкал.

В 40-е гг. из Якутска было предпринято несколько экспедиций для исследования и освоения земель Приамурья (так называемой «Даурской земли»). В июле 1643 г. якутский воевода П.П. Головин вручил Василию Даниловичу Пояркову наказ идти «на Зию [Зею] и Шилку реку для ясачного сбора и прииску неясачных людей и для серебряной и медной и свинцовой руды» (цит. по [79, т. 4, с. 239]). За три года Поярков со своим отрядом прошел от верховьев Зеи до устья Амур, собрал ценные сведения о природе и населении Приамурья. Он первым совершил плавание вдоль юго-западных берегов Охотского моря. По возвращении в Якутск Поярков представил отчет о походе, содержащий подробные сведения о «Даурской землице» и о ее населении.

Путешествия помогали включать в хозяйство новые земли и месторождения полезных ископаемых, пополнять казну новыми налогами. Рассказы о благодатных землях «Даурии» распространялись по всей России и способствовали переселению людей на восток в поисках лучшей жизни.

В 1645 г. Михаил Федорович скончался, а через месяц умерла и его жена – юный царь Алексей Михайлович остался сиротой. Первые три года фактическим правителем государства был его воспитатель, боярин Б.И. Морозов. После московского мятежа в июне 1648 г., направленного против Морозова, Милославского и других бояр, Алексей Михайлович решил созвать Земский собор, преследуя две цели. Во-первых, для умиротворения простонародья: по словам Никона^[34], «боязни ради и междоусобия от всех черных людей» (цит. по [94, т. 3, с. 133]). Во-вторых, царь решил привлечь земских представителей к намеченной ранее работе над «Соборным Уложением».

В Уложении Алексея Михайловича, принятом Земским собором в 1648–1649 гг., были зафиксированы новые правовые основы внутреннего устройства Российского государства. С.Ф. Платонов писал о значении Уложения, «бывшего не только сводом законов, но и реформой, давшей чрезвычайно добросовестный ответ на нужды и запросы того времени. ...Со времени Алексея Михайловича уже резкими чертами отмечается начало преобразовательного периода в жизни Московского государства, является сознательное стремление к преобразованию начал нашей жизни, чего не было еще при царе Михаиле Федоровиче, когда правительство строило государство по старым досмутным образцам» [152, с. 303–304].

Уложение не исчерпывало всей законодательной деятельности правительства: за период с 1649 г. по 1675 г. было принято более 600 указных статей, дополняющих Уложение. В 1667 г. был утвержден «Новоторговый устав», представляющий собой единое законодательство о торговле. В нем, в частности, были подробно разработаны правила торговли русских купцов с иностранцами и иноземных купцов в России: например, иностранцам было запрещено заниматься розничной торговлей. В 1669 г. было разработано новое уголовное законодательство: «Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах», представлявшие собой переработанные и дополненные XXI и XXII главы Уложения.

В середине XVII в. наблюдаются перемены в мироощущении российского общества, в его отношении к науке и образованию. Одним из источников этих перемен был новый взгляд на Западную Европу: «Прежде на нее смотрели только как на мастерскую военных и других изделий, которые можно купить, не спрашивая как они делаются; теперь стал устанавливаться взгляд на нее, как на школу, в которой можно научиться не только мастерствам, но и умению жить и мыслить. Но древняя Русь не изменила своей обычной осторожности: она не решалась заимствовать западное образование прямо..., а искала посредников, которые могли бы передать ей это образование в обезвреженной переработке» [94, т. 3, с. 274]. Таким посредником стала Речь Посполитая, причем первыми проводниками западного просвещения были образо-

ванные западнорусские православные монахи. Чтобы понять, почему и как это происходило, надо обратиться к культурной жизни той значительной части Руси, которая в XVI – первой половине XVII в. находилась под властью Польско-Литовского княжества (с 1569 г. – Речи Посполитой).

Принятие в 1596 г. Брестской унии (соглашения об объединении католической и православной церквей в той части Руси, которая принадлежала Речи Посполитой), оказало огромное влияние на умственную и общественную жизнь Юго-западной Руси. Главным фактором католического влияния на православное население стали иезуитские школы (коллегии). Иезуитские школы в конце XVI – начале XVII появились в Вильнюсе, Полоцке, Львове, Луцке; в 1620 г. – в Киеве, в 1624 г. – в Остроге, позднее возникли и на левом берегу Днепра.

Костомаров писал: «Родители охотно отдавали своих детей в их [иезуитов] школы, так как никто не мог сравниться с ними в скором обучении латинскому языку, считавшемуся тогда признаком учености... Следствием этого было то, что распространение католичества и унии пошло чрезвычайно быстро. Люди шляхетских родов обыкновенно были обращаемы прямо в латинство, а уния предоставлялась на долю мещан и простого народа» [101, т. 2, с. 60–61]. Обучение по западному, «латинскому» образцу завоевывало признание не без борьбы даже в Юго-западной Руси, хотя вследствие географических и исторических факторов там общество было гораздо лучше подготовлено к восприятию европейской науки, чем в Московском государстве.

В начале XVII в. афонский монах Иоанн Вишенский, полемизируя со сторонниками унии, писал: «Уния, по-славянски юная, действительно на вид красна и чудна, разумом хитра и мудра, но эта юная вера есть ложная и непостоянная, от человеческого мудрствования вымышленная». Напротив, старая православная вера, «хотя на вид некрасива и противна, разумом глупа и не хитра, обычаем проста, ветха и неубранна, но зато это – коренная, неподвижная, прочная вера, от Христа-фундатора основанная» (цит. по [125, с. 209]). Кажущиеся теперь забавными доводы Вишенского в том или ином виде повторяются до сих пор.

В противовес традиционной западной программе тривиума (грамматика, диалектика, риторика) Вишенский пытался создать православную программу обучения. В этой программе после обучения грамматике он предлагал сразу переходить к обучению религиозным предметам: диалектику заменить Часословом, риторiku – Псалтирью, «вместо философии, научающей мысль скитаться по воздуху», изучать октоих^[35]. После чего переходить к так называемому «нравственному, или деятельному» богословию и к изучению Евангелия и Апостола «с толкованием простым, а не хитрым» (цит. по [125, с. 209]).

Однако программа Вишенского не годилась для подготовки священнослужителей и богословов, способных эффективно бороться с католицизмом и распространением униатства. Для этого требовалось основательное обучение, в том числе, знание латинского языка и умение вести богословские споры.

Противодействие влиянию римско-католической церкви оказывали так называемые братства. Братства обычно основывались при церквях, их членами были монахи и светские люди. При братствах создавали училища и типографии. Лучших выпускников училищ братства отправляли в западные университеты для получения высшего образования. Кроме главных школ, находившихся при братствах, возникло множество частных учебных заведений при монастырях и церквях, их обычно открывали священники без санкции высших иерархов. Существование православных братств было непродолжительным: в течение XVII в. «весь высший класс русский олатинился, ополячился, и братства исчезли сами собой. Одно киевское имело иную судьбу в русской истории. Киеву... опять выпала великая доля сделаться средоточием умственного движения, которое открыло для всей Руси новый путь к научной и литературной жизни» [101, т. 2, с. 62–63].

Говоря о возобновлении русского просвещения, мы обязательно должны уделить внимание деятельности выдающегося просветителя Петра Могилы.

Петр Могила. Петр Симеонович Могила (1596/97–1647) – деятель украинской культуры и образования, религиозный писатель. В 1632 г., сразу по вступлении в сан митрополита Киевского и Галицкого, Могила основал Киево-Могилянскую академию (коллегию) – первое высшее учебное заведение на Украине. Для этого он объединил в коллегию киевскую братскую школу и основанную им в 1631 г. славяно-греко-латинскую школу при Киево-Печерской лавре. При киевском братстве он организовал типографию и особый монастырь, тесно связанный с коллегией. В нем жили только те монахи, которые были наставниками, причем все они были взяты из Печерской лавры. Петр Могила хотел «образовать поколение ученых и сведущих духовных лиц, а равным образом и светских людей...» Его целью была также «поддержка и возрождение русской народности. Идеалом Могилы был такой русский человек, который, крепко сохраняя и свою веру и свой язык, в то же время по степени образования и по своим духовным средствам, стоял бы в уровень с поляками» [101, т. 2, с. 87].

Представляет интерес содержание и организация обучения в коллегии Могилы. Согласно Н.И. Костомарову [101, т. 2, с. 87–88], коллегия разделялась на две конгрегации: высшую и низшую. Низшая имела шесть классов: в первом обучали чтению и письму на трех языках (славянском, латинском и греческом); вторым был «класс первоначальных сведений» (не уточняется – каких); в третьем и четвертом изучали грамматику трех языков, а также катехизис^[36], арифметику, музыку и нотное пение; последними были классы поэтики и риторики. Высшая конгрегация имела два класса: философии, которая преподавалась по Аристотелю и разделялась на три части – логику, физику и метафизику; в этом же классе преподавались геометрия и астрономия. В последнем, высшем классе преподавалось богословие, главным образом по системе Фомы Аквинского. Отметим, что обучение в коллегии очень похоже на обучение «семи свободным искусствам» на артистическом (позднее, философском) факультете средневекового европейского университета^[37].

Все предметы, за исключением славянской грамматики и православного катехизиса, преподавались на латинском языке. Предпочтение, оказываемое латинскому языку, имело многочисленных противников. Могила оправдывался тем, что «русские, учившиеся в коллегии, жили под польским правлением и готовились к жизни в обществе, проникнутом польским строем и польскими понятиями... Латинский язык... был необходим не только для споров о вере с католиками..., латинская речь употребительна была на судах, сеймах, сеймиках и на всяких общественных сходбищах» [101, т. 2, с. 90]. Добавим от себя, что латынь необходима была еще для просвещения и науки. Учащиеся коллегии должны были быть подготовлены к защите православной веры, поэтому в обучении широко практиковались классные и публичные диспуты на латыни, причем содержание диспутов не ограничивалось вопросами веры. Костомаров заключает: «...семя, брошенное Могилой в Киеве, роскошно возросло не для одного Киева, не для одной Малороссии, а для всего русского мира: это свершилось через перенесение начал киевского образования в Москву... И в этом-то важнейшая и великая заслуга киевской коллегии и ее бессмертного основателя» [101, т. 2, с. 92].

Вернемся в Москву середины XVII в., чтобы увидеть, как эти семена прорастали на московской почве, довольно скудной и плохо подготовленной к просвещению.

В 1649–1650 гг. для перевода Библии с греческого языка на церковнославянский в Москву были выписаны из Киевской академии и Киево-Печерской лавры ученые монахи Епифаний Славинецкий^[38], Арсений Сатановский и Дамаскин Птицкий. Кроме этого, по заказам царя и патриарха они составляли и переводили учебные пособия и энциклопедические сборники, книги по географии и космографии, словари (лексиконы). Епифаний перевел «Гражданство обычаев детских» – «сочинение о политике и педагогии» и другие книги, а также составил «Лексикон греко-славяно-латинский» и «Лексикон филологический» (толковый сло-

варь терминов Св. Писания). В 1657 г. Епифаний перевел «Введение в космографию» Иоганна Блеу, назвав книгу «Зерцало всея Вселенная». Это было первое описание системы Коперника на русском языке. Первое в Москве печатное издание Библии на церковнославянском языке с предисловием Славинецкого было сделано в 1663 г. В 1674 г. Епифаний начал работу над новым переводом Библии с греческого языка. Однако из-за кончины тогдашнего местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сарского и Подонского, надзиравшего за ходом работ, подготовка нового издания Библии была приостановлена, а со смертью Епифания вовсе прекращена.

Для растущих нужд домашнего и школьного обучения в середине XVII в. стали появляться разного рода учебные издания: в их числе перепечатанные с киевских изданий «Славенская грамматика» Мелетия Смотрицкого и краткий катехизис Петра Могилы.

Образованными людьми, выдающимися государственными деятелями и сторонниками европейского пути развития России были ближайшие сотрудники царя Алексея Михайловича: Афанасий Ордин-Нащокин^[39], Федор Ртищев^[40] и Артамон Матвеев^[41].

Одной из главных задач начатых преобразований было создание школ. В 1649 г. в Чудовом монастыре, близ патриаршего двора была учреждена греко-латинская школа, для управления которой был приглашен грек Арсений, но он вскоре был сослан на Соловки «по подозрению в неправовереии».

Федор Ртищев в 1649 г. на свои средства пригласил в Андреевский монастырь из Киево-Печерской лавры и других малороссийских монастырей около 30 ученых монахов. Они должны были не только переводить иностранные книги на славянский язык, но и обучать желающих греческой, латинской и славянской грамматике, риторике, философии и другим «словесным» наукам.

Кроме этого, в Спасском монастыре в 1665 г. было построено специальное здание, которое в документах называлось «школой для грамматичного учения».

В 1668 г. по инициативе прихожан церкви Иоанна Богослова в Китай-городе открылась школа («гимнасион») для изучения «грамматической хитрости языков славенского, греческого и латинского и прочих свободных учений». Есть сведения о создании школ в некоторых московских слободах (в Барашах и Мещанской слободе) [79, т. 4, с. 229–230].

Не стоит полагать, что это были школы с выработанным уставом, учебными планами и программами, постоянным преподавательским штатом и т.п., т.е. организованные по системе Коменского^[42], к тому времени уже принятой в ряде стран Европы. Сначала это были эпизодические занятия, обычно поручаемые тому или другому приезжему ученому, в числе которых иногда оказывались такие выдающиеся личности, как Симеон Полоцкий.

Симеон Полоцкий. Симеон Полоцкий (1629–1680) – церковный и общественный деятель, проповедник, писатель, просветитель. Симеон учился в Киево-Могилянской коллегии, затем преподавал в братской школе в Полоцке, где и познакомился в 1656 г. с царем Алексеем Михайловичем. В 1664 г. Симеон Полоцкий был приглашен для обучения латыни, риторике и богословию молодых подьячих^[43] Тайного и Дворцового приказов. Ученики Полоцкого затем были отправлены с русским посольством в Курляндию для завершения образования.

В 1667 г. Симеон Полоцкий был назначен воспитателем царских детей. Для них он написал книгу для чтения «Вертоград многоцветный»^[44]. Симеон был горячим поборником распространения на Руси веры и просвещения. С этой целью он сделал стихотворное переложение Псалтири, написал «Книгу кратких вопросов и ответов катехизических» и ряд других духовно-педагогических сочинений.

Продолжателем просветительской деятельности Симеона Полоцкого стал его ученик, подьячий Симеон Медведев.

Симеон Медведев. Симеон Агафонович Медведев (1641–1691) (в монашестве Сильвестр) – писатель, ученый, религиозный и общественный деятель, просветитель. В 1674 г.

постригся в монахи, через три года был назначен настоятелем Заиконоспасского монастыря. По указу царя Федора Алексеевича в 1682 г. Сильвестр организовал в монастыре латинскую школу, в которой обучали «грамоте, словенскому учению и латыни». В 1685 г. он представил царевне Софье проект превращения школы в высшее учебное заведение – академию. Сильвестр был арестован в 1689 г. за участие в заговоре против Петра I, лишен иноческого сана и сослан в Иркутск. Позднее он был обвинен в ереси и казнен в 1691 г.

Школьное обучение в XVII в. было «прямым продолжением древнерусского способа обучения: духовные лица или особые мастера брали детей на выучку за условленную плату. По местам частные лица, а может быть и общества, строили для этого особые здания: являлась как бы постоянная публичная школа. В разных местах появлялись приходские школы, в которых учили грамоте, письму, счету» [94, т. 3, с. 278].

Первые учебники арифметики появились, по-видимому, в XVI в., но еще долгое время математические знания относились к числу наименее распространенных в допетровской Руси. Заимствованный у Византии крайне неудобный способ изображать цифры буквами мешал пользоваться преимуществами десятичной системы счисления. Арабские цифры впервые появляются в русских книгах, напечатанных в Венеции и Риме, лишь в 1611 г. (В Западной Европе арабские цифры использовались с XIII в., а широкое распространение получили с середины XV в.) В Московской типографии первая книга с арабскими цифрами была напечатана в 1647 г. [125, с. 224]. Но еще долго «цифирные книги» считались «непотребными и противными закону Божиему». Об этом свидетельствует такой факт: Петр, издавая в 1702 г. свои записки о взятии крепости Орешек, не решился выпустить все книги с «цифирными числами» и распорядился половину тиража напечатать с «русскими», т.е. буквенными обозначениями чисел. Труднее всего давались учащимся действия с дробями: употребительными на практике дробями были половина, четверть и треть, полчетверти и полтрети и, наконец, полполчетверти и полполтрети. Особые трудности вызывала необходимость складывать и вычитать дроби (подробнее см., например, [125, с. 223–226]).

Сведения о том, чему и как учили в школах, кто платил за обучение и сколько, чрезвычайно скудны, но об обучении царских детей можно судить по сохранившимся дворцовым записям, воспоминаниям современников и свидетельствам историков. Так, Ключевский подробно пишет об обучении будущего царя Алексея Михайловича (1629–1676). Алексей к десяти годам закончил полный курс «древнерусского гимназического образования: он мог бойко прочесть в церкви часы и не без успеха петь с дьячком^[45] на клиросе по крюковым нотам стихиры и каноны^[46]. При этом он до мельчайших подробностей изучил чин церковного богослужения... Царевич прежнего времени, вероятно, на этом бы остановился. Но Алексей воспитывался в иное время, у людей которого стучалась в голову смутная потребность ступить дальше в таинственную область эллинской и даже латинской мудрости, мимо которой, боязливо чураясь и крестясь, пробегал благочестивый русский грамотей прежних веков» [94, т. 3, с. 320–321].

Ключевский объясняет эти новые образовательные потребности: «Немец со своими новомышленными хитростями проникал и в детскую комнату государева дворца. В руках ребенка Алексея были конь немецкой работы и немецкие картинки, а также маленькая библиотека, в которой были не только Священное Писание и богослужебные книги, но и изданные в Литве грамматика и лексикон, космография и др.» [94, т. 3, с. 321]. Это наблюдение очень важно для педагогики. Появление новых элементов быта и общение с людьми нового типа (путешественниками, купцами, торгующими с далекими странами) расширяло кругозор ребенка и влекло за собой необходимость учить детей по-другому. Аналогичную роль в наше время играет наличие у детей компьютеров, мобильных телефонов и Интернета.

«Немец со своими новомышленными хитростями» проникал не только в детскую комнату государева дворца. Со времен царя Михаила Романова в Москве селилось много ино-

странцев (в основном, немцев) – призванных на русскую службу военных, ремесленников, архитекторов и т.п. В 1652 г. им были выделены участки в районе Язуы, где во времена Ивана Грозного была Немецкая слобода. Через несколько лет слобода превратилась в благоустроенный район, в котором было несколько лютеранских церквей и немецкая школа. Возрожденная Немецкая слобода стала для москвичей образцом комфортной жизни и проводником западно-европейской культуры: «...бросаясь на заморские приманки, также стали понемногу и смутно чувствовать те духовные интересы и усилия, которыми они были созданы» [94, т. 3, с. 273].

При Алексее Михайловиче продолжалось исследование и освоение новых земель.

20 июня 1648 г. экспедиция в составе 90 человек, возглавляемая Семеном Дежнёвым^[47] и Федотом Алексеевым (Ф.А. Поповым) на семи судах вышла из устья Колымы в Северный Ледовитый океан и обогнула «Чукотский нос» (впоследствии названный мысом Дежнёва). Пройдя через пролив (не зная, что это пролив между Азией и Северной Америкой), путешественники вышли в Тихий океан и направились к устью реки Анадырь. Через несколько месяцев неимоверно трудного плавания единственное оставшееся судно под командованием Дежнёва попало в шторм и было выброшено на берег южнее устья Анадыря. Совершив десятидневный изнурительный переход, Дежнёв и его немногие оставшиеся спутники вышли к реке Анадырь. Лишь весной следующего года они смогли на построенных лодках подняться вверх по реке. В соответствии с заданием, Дежнёв основал зимовье, обложил ясаком (данью) местных жителей и составил карту Анадыря.

В 1649–1652 гг. несколько походов в Приамурье совершил Хабаров, пополнив сведения об Амуре и его притоках, о жителях, населявших этот край. Хабаров составил «Чертеж реки Амур». По следам Хабарова на поселение в Приамурье отправлялись большие группы, иногда до нескольких сот человек. По «чертежам» русских первопроходцев в 60-е гг. XVII в. были составлены первые карты Сибири и Дальнего Востока.

Как и при Михаиле Романове, путешествия помогали включать в хозяйство новые земли и месторождения полезных ископаемых, пополнять казну за счет новых налогов. Вместе с тем путешествия приносили географические открытия и этнографические данные, таким образом расширяя представления русских людей о своей стране и народах, ее населяющих. Русские люди приобретали новое мироощущение жителей огромной и разнообразной страны.

Одним из свидетельств происходящих перемен может служить история развития уже упоминавшихся нами «Азбуковников». На протяжении столетий сначала рукописный, а затем печатный «Азбуковник» был одним из главных источников знаний для русского человека. В начале XVII в. содержание «Азбуковника» по-прежнему основывается на византийском и древнерусском литературном наследии XI–XVI вв. (см. § 1.1). Из наук тривиума (грамматики, риторики, диалектики) делается исключение лишь для грамматики церковнославянского языка, науки квадривиума (арифметика, астрономия, музыка, геометрия) считались запрещенными («отреченными»). Во второй половине XVII в. содержание «Азбуковника» радикально обновляется за счет различных античных и средневековых источников. Помимо грамматики, в нем содержатся сведения из других «свободных мудростей», причем в наиболее занимательной форме. Арифметика, астрономия, музыка, геометрия поочередно выводятся в лицах, рассказывают о своем содержании и приносимой пользе. Особенно интересен еще один аспект изменения «Азбуковников». Как отмечает Милюков, «Азбуковник» «не только пропагандирует свободные науки среди публики: он стремится привести их в школу и для этого принимает форму школьной хрестоматии для чтения. К энциклопедии свободных знаний он присоединяет правила школьной дисциплины, составленные по образцу малороссийских школ XVII в. ...«Азбуковник» еще раз подчеркивал необходимость высшей и средней школы для правильного удовлетворения наличной потребности в просвещении и для дальнейшего развития этой потребности в обществе» [125, с. 245].

Говоря о России XVII в., мы не можем обойти вниманием вопрос о влиянии на образование церковного раскола. Многие современники раскола видели его главную причину в невежестве народа и духовенства. Газский митрополит Паисий Лигарид писал: «Искал я корня сего духовного недуга [раскола] и в конце концов нашел два источника его: отсутствие народных училищ и недостаточность библиотек...» (цит. по [125, с. 215]). Он обращался к царю Алексею Михайловичу с увещанием создать училища греческого, латинского и церковнославянского языков для сохранения православной веры. С таким же призывом от имени восточных патриархов в 1666 г. обратился к царю Симеон Полоцкий.

На Соборе 1666–1667 гг., осудившем раскол, был поднят вопрос об учреждении училищ хотя бы для обучения духовенства, однако в решениях Собора об училищах даже не упоминалось. Исходя из установившегося порядка наследования духовных мест, Собор постановил: «Повелеваем, чтобы всякий священник детей своих научил грамоте. Пусть они будут достойны восприятия священства и наследуют церковь и церковное место, а не торгуют ими, предоставляя посвящаться во священство сельским невеждам, из которых иные даже и скота не умеют пасти, не то что людей. Отсюда и происходят в церкви Божией мятежи и расколы» (цит. по [125, с. 209–210]).

На Соборе был поставлен вопрос о создании высшей богословской школы. Потребность церковной и светской власти в организации среднего и особенно высшего богословского образования оказалась сильнее, чем забота об элементарном образовании духовенства, поскольку привычно считалось, что умениям читать и писать можно научиться и вне школы. С тем, что в Москве нужна высшая богословская школа, уже соглашались и ревнители старины. Возникли споры о том, какой должна быть «правильная школа», какой из языков (латинский или греческий) должен лечь в основу православного образования. Как подчеркивает Ключевский, «эти языки были тогда не просто разные грамматики и лексиконы, а разные системы образования, враждебные культуры, непримиримые мирозерцания. Латынь – это свободные учения, свобода взыскания, свобода исследования...; это науки, отвечающие и высшим духовным, и ежедневным житейским нуждам человека, а греческий язык – это священная философия, грамматика, риторика, диалектика, как служебные науки, вспомогательные средства для уразумения слова божия. Восторжествовали, разумеется, эллинисты» [94, т. 3, с. 315]. Эллинисты победили потому, что «латинство» по-прежнему ощущалось обществом опасным для православия, а западное влияние воспринималось как угроза древнерусской духовной традиции. Как мы скоро увидим, ревнители старины восторжествовали ненадолго.

В 1681 г. при московской типографии на Никольской улице было открыто училище с двумя классами: в одном изучали церковнославянский язык, в другом – греческий. Руководил училищем иеромонах Тимофей с двумя учителями греками. Сначала было принято 30 учеников разных сословий, а в 1686 г. в училище уже числилось 233 человека.

В 1687 г. в Заиконоспасском монастыре было открыто первое высшее учебное заведение – Эллино-славянская академия (с 1701 г. она называлась Славяно-латинской и лишь в 1775 г. получила обычно используемое название – Славяно-греко-латинская академия, в 1814 г. ее преобразовали в Московскую духовную академию и перевели в Троице-Сергиеву лавру).

Педагогическая деятельность Лихудов. Первыми преподавателями Эллино-славянской академии были греки – братья Иоаникий и Софроний Лихуды. Они получили хорошее европейское образование в университетах Венеции и Падуи. Иоанникий Лихуд преподавал в академии физику, Софроний – физику и логику. Основу обучения составляли сочинения Аристотеля и византийских философов Василия Великого и Иоанна Дамаскина. Академия была устроена по образцу Киево-Могилянской коллегии: в ней было четыре низших класса, два средних и два высших. В низших классах обучали чтению и письму на церковнославянском, греческом и латинском языках, основам арифметики, географии и истории, а также катехизису; в средних – поэтике и красноречию, в высших – философии и богословию. Учащиеся

получали стипендию (около 10 руб. в год). Они могли пользоваться богатой монастырской библиотекой, в которой были религиозные, философские, исторические и художественные произведения античных и средневековых авторов. В библиотеке можно было найти даже философские произведения и научные трактаты Нового времени, в числе которых были «Разговоры запросто» Эразма Роттердамского, «О праве войны и мира» Гуго Гроция, «Государь» Макиавелли, труды Тихо Браге, Галилея и Декарта.

Братья Лихуды составили учебники по грамматике, риторике, математике, физике и другим дисциплинам, которые преподавались в академии. Видимо, их учебники не были оригинальными и питались идеями, почерпнутыми в Италии. Историк Славяно-греко-латинской академии критиковал «учебно-методические писания» ее преподавателей: «Писания их представляют одно и то же содержание, писаны в том же схоластическом духе, даже во многом сходятся между собой буквально. В основании было одно: книги Аристотеля и комментарии на них, составленные во множестве перипатетиками средних веков. Оставалось по строго определенному плану строить здание науки, и наставники не отступали от него в существенных пунктах. Они только разнообразили язык, переставляли трактаты с одного места на другое, что мы и видим во всех учебниках академии» (цит. по [108, с. 34]). Но создание и таких учебников было для России XVII в. огромным шагом вперед.

По уставу в академии могли учиться люди всех состояний, кроме крестьян и дворовых людей. На должности ректора и учителей допускались только русские и греки. В уставе было сказано о запрещении «держатъ домашних учителей иностранных языков, иметь в домах и читать латинские, польские, немецкие и другие еретические книги; за этим, как и за иноверной пропагандой среди православных, наблюдала академия, которая судила и обвиняемых в хуле на православную веру, за что виновные подвергались сожжению»^[48]. Ключевский подводит итог: «Так продолжительные хлопоты о московском рассаднике свободных учений для всего православного Востока завершились церковно-полицейским учебным заведением, которое стало прообразом церковной школы. Поставленная на страже православия от всех европейских еретиков, без приговорительных школ академия не могла проникнуть своим просветительным влиянием в народную массу...» [94, т. 3, с. 316]. С.М. Соловьев^[49] писал, что «академия уполномочивалась следить за движениями врагов православия и бить всполох при первой опасности; это была цитадель, которую хотели устроить для православной церкви при необходимости столкновения ее с иноверным Западом; это не училище только, это страшный трибунал...» [178, с. 73].

Однако «цитадели православия» из академии не получилось. Несмотря на требования консервативной старомосковской партии, чтобы в академии преподавались только греческий язык и «благочестивые науки», туда все-таки проникала латинская программа, так как в описываемое время высшей школы с чисто греческой программой нигде не существовало и ее неоткуда было заимствовать. Вскоре Лихуды подверглись упрекам за то, что они «забавляются около физики и философии», преподают латинский язык и на нем читают лекции для учащихся старших курсов. В 1694 г. Лихуды были отстранены от руководства академией, а в 1701 г. они были обвинены в ереси и сосланы в Ипатьевский монастырь и освобождены лишь через пять лет. Преподавание в академии было поручено ученикам, не прошедшим полный курс. На несколько лет она пришла в полное запустение. Но, как часто бывает в истории, консерваторы, выступая против любых, даже самых умеренных новшеств, ничего не могли предложить взамен их, тем самым открывая дорогу значительно более радикальным реформам. По этому поводу Милюков писал: «В Москве и Константинополе не хотели, чтобы латинский язык и высшие знания преподавались у нас – хотя бы и греком, хотя бы и между прочим. Но так как со своей стороны эти люди не могли дать никакой другой программы и никакого специалиста, способного выполнить ее, то в конце концов, к началу XVIII столетия, преподавание перешло

целиком в руки сторонников латинской школы» [125, с. 221]. Официально обучение латыни было введено указом Петра в 1701 г.

Славяно-греко-латинская академия на протяжении нескольких десятилетий была на Руси главным и практически единственным высшим учебным заведением классического типа. Братья Лихуды и их ученики оказали большое влияние на российское просвещение. В ряду учеников выделялся Карион Истомин – педагог, поэт, переводчик, позднее ставший игуменом Чудова монастыря и справщиком (т.е. в нашем понимании – редактором и корректором) московской духовной типографии. Истомин был одним из образованнейших людей того времени, он переводил сочинения европейских гуманистов, по некоторым сведениям (см., например, [80, с. 131]) был знаком с сочинениями Коменского. Возможно, под влиянием его педагогических идей Истомин в 1692 г. (это был год столетия Коменского) издал иллюстрированный «Малый букварь», в 1694 г. – энциклопедию «Полис», в 1696 г. – «Большой букварь».

Выпускником академии был и Леонтий Магницкий – автор знаменитой «Арифметики», всю жизнь преподававший в созданной Петром Школе математических и навигацких наук (об этом речь будет идти в п. 2.1.3). Выпускники академии составили новое поколение образованных людей России: они становились священниками, чиновниками, преподавателями в церковных и светских учебных заведениях. Кроме того, академическими лекциями начали интересоваться московские обыватели, но поскольку преподавание велось на латинском и греческом языке, оно было для большинства недоступным. В [125, с. 243] приведен пример, когда по заказу одного московского купца был специально переведен на русский язык курс лекций по риторике.

Так обстояло дело в допетровской Руси с высшим образованием. Начальное образование в XVII в. оставалось в основном семейным или в форме ученичества даже для лиц духовного звания, т.е. для тех, для кого грамотность была профессионально необходима.

Резюме

Мы видим, что нельзя единым образом охарактеризовать состояние образования и просвещения в допетровской Руси в разные периоды ее развития.

Со времени принятия христианства в Киевской Руси «книжная ученость» развивалась очень интенсивно: росло количество монастырских школ, скрипториев и библиотек, большинство горожан, в том числе женщин, было грамотным. В заботах о народном просвещении тесно взаимодействовали церковь и светские власти. В частности, князья всемерно поддерживали составление летописей, книгописательскую и переводческую деятельность в монастырях.

Благодаря международным связям Древней Руси с Византией и европейскими государствами, широкое распространение получила оригинальная и переводная литература, причем не только религиозного, но и светского характера. Псалтырь, Шестоднев, азбуковники, а также исторические хроники, жития, «хождения» и т.п. были любимым чтением древнерусского человека.

Академик А.М. Панченко писал о переходе Руси на рубеже ХХI вв. от «безбуквенного» небытия к самым вершинам словесного искусства», как о чуде: «Книжной страной она стала при Владимире I Святославиче. Минула лишь четверть века после его кончины, как русская литература произвела на свет подлинный шедевр: «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, которое по уровню ораторского мастерства сделало бы честь Василию Великому и Иоанну Златоусту» [77, с. 111].

Все источники свидетельствуют о том, что уровень просвещенности и образованности древнерусского человека был достаточно высоким для того времени. И хотя к концу XII в. наметилось отставание от Западной Европы, при благоприятных обстоятельствах на Руси прижилась бы «латинская ученость», открылись университеты, были бы свои гуманисты и просветители. Однако внутренние распри и ордынское нашествие XIII–XIV вв. надолго затормозили социально-экономическое и культурное развитие страны.

Лишь с середины XIV в. обнаруживаются первые признаки оживления культурной жизни Руси. Постепенно восстанавливались старые и строились новые монастыри, вновь принимая на себя роль основных центров образования и просвещения, расширялись культурные связи с Европой. Однако до середины XVI в. русское государство и общество не были готовы ни к выработке собственных ответов на вызовы времени, ни к восприятию достижений европейской науки и культуры, обеспечившие последующее развитие Европы.

В царствование Василия III и Ивана Грозного появились явные признаки культурного прогресса, чему немало способствовала просветительская деятельность Максима Грека. Д.С. Лихачев отмечает, что в XV–XVI вв. были «отдельные ренессансные явления в общественной мысли, в изобразительном искусстве, в зодчестве и в литературе, вызванные к жизни развитием ремесел, городской жизни, влиянием ренессансного окружения» [143, т. 6, с. 7].

Можно было ожидать, что в середине XVI в. важным стимулом для развития образования и просвещения станет деятельность русского первопечатника Ивана Федорова. Но этого не произошло: в 1565 г. типография была закрыта, Ивана Федорова и его помощника Петра Мстиславца обвинили в ереси. Но даже после возобновления в 1568 г. книгопечатания в Москве и появления новых типографий в других городах печатная книга не вошла в обиход русского человека XVI в. так, как это произошло в Европе. По мнению академика А.М. Панченко, «требовалось время, чтобы человек смирился с этой новацией, чтобы книгопечатание стало привычкой русской культуры, ее обиходом» [77, с. 12].

Религиозно-державные идеи («Москва – третий Рим» и т.п.), возвращаемые церковью и властью, довольство общества собственным невежеством, «гадливое и боязливое чувство» по отношению к науке и образованию имели тяжелые последствия для будущего. Печальной ока-

залась и судьба самих просветителей: Максим Грек был обвинен в ереси и заключен в монастырь, Иван Федоров и Петр Мстиславец были вынуждены уехать в Литву.

Вторая половина царствования Ивана Грозного была отмечена опричниной, массовыми казнями и новым упадком страны. После его смерти наступил недолгий период некоторого успокоения и оживления общественной жизни.

Пресечение династии, небывалый голод 1601–1603 гг. в правление Бориса Годунова, его смерть в 1605 г. и последовавшая Смута привели Россию к катастрофе, от последствий которой ей предстояло оправляться более полвека.

Правление Алексея Михайловича (1645–1676) было отмечено многими успешными преобразованиями. Ближайшими сотрудниками царя стали реформаторы и ревнители просвещения Федор Ртищев и Афанасий Ордин-Нащокин – «последние и лучшие люди Древней Руси» [94, т. 3, с. 362]. Их деятельность сыграла ключевую роль в том, что страна, оправившись от последствий Смуты, постепенно открывалась внешнему миру, осознавая собственную отсталость и необходимость нового устройства жизни страны: «необходимо было упорядочить людские отношения, спутанные Смутой, уложить их в твердые рамки, в точные правила. ... нужно было все восстанавливать, чуть не сызнова строить государство» [94, т. 3, с. 129]). Назревали реформы во внешнеполитической, законодательной, народнохозяйственной, церковной и культурной сферах.

Академик С.Ф. Платонов, характеризуя этот период, писал: «На бедную, еще слабую средствами Русь при Алексее Михайловиче обстоятельства наложили столько государственных задач, поставили столько вопросов, требовавших немедленно ответа, что невольно удивляешься исторической содержательности царствования Алексея Михайловича» [152, с. 291].

В ряду государственных задач первым было названо составление нового законодательства. В 1648–1649 гг. Земский собор принял «Соборное Уложение», заложившее правовые основы Русского государства.

Были предприняты некоторые шаги в сфере образования, появились первые школы при Посольском, Аптекарском и других приказах, приходские школы при церквях и монастырях. Подчеркнем, что образование не стало еще заботой церкви или государства, а лишь делом частной инициативы отдельных светских или духовных лиц, в редчайших случаях школы открывались по просьбе жителей того или иного прихода.

Заметные успехи были достигнуты в организации и развитии государственного книгоиздания и книжной торговли. Увеличивалось количество изданий светского характера, книга входила в повседневный быт русских людей. Поскольку частных типографий тогда еще не было, книги издавал государственный Печатный двор. В середине столетия он был перестроен и расширен, его штат достиг 160 чел. При Печатном дворе была открыта книжная лавка, что знаменовало начало свободной торговли книгами: до этого издания распространялись по прямому правительственным поручениям или путем рассылки на места под ответственность церковных властей [79, т. 4, с. 230].

Среди изданий Печатного двора преобладала церковная литература, но постепенно доля книг светского содержания увеличивалась. В 1650 г. было напечатано Соборное Уложение. Несмотря на высокую цену тираж в 1200 экз. разошелся быстро. Уложение охотно покупали дворяне, приказные люди и духовенство. Печатный двор имел свою библиотеку, возникли библиотеки при Посольском, Аптекарском и других приказах. Обширные книжные собрания имели Алексей Михайлович и многие бояре.

Постепенно книги входили в повседневный обиход горожан: возникали книжные торговые ряды, появились мастера-переплетчики, личные библиотеки стали передавать по наследству. Торговцы доставляли книги духовного и светского содержания в разные концы страны. По оценкам исследователей, в частных книжных собраниях середины XVII в. до 40 % занимали зарубежные издания, причем заметную часть их составляли произведения Ари-

стотеля, Гомера, Плутарха, до того времени бывших достоянием лишь высшего духовенства [79, т. 4, с. 231]. С чтением книг в высшие слои общества проникало понимание необходимости просвещения, и постепенно смягчалось настороженное отношение к европейской образованности.

Большое значение для развития Руси в XVII в. имели продолжительные и дальние экспедиции, предпринятые при поддержке правительства и преследовавшие не только фискальные, но и исследовательские цели. Путешественники описывали новые земли, нравы и обычаи местных жителей, составляли «чертежи» (карты) дотоле неизвестных земель. По «чертежам» русских первопроходцев в 60-е гг. XVII в. были составлены первые карты Сибири и Дальнего Востока. Путешествия помогали включать в хозяйство новые земли и месторождения полезных ископаемых, пополнять казну за счет новых налогов. Вместе с тем географические открытия и этнографические данные расширяли представления людей о своей стране и народах, ее населяющих. Русские люди приобретали новое мироощущение жителей огромной и разнообразной страны.

В XVII в. стал формироваться новый тип человека, в отличие от древнерусского начинавший осознавать собственную отсталость и желавший ее преодолевать: «Прорывавшаяся во всем несостоятельность существующего порядка и неудача попыток его исправления привели к мысли о недоброкачественности самых оснований этого порядка, заставляли думать, что ...старина не даст пригодных уроков для настоящего и потому у нее нечему больше учиться... Тогда и начался глубокий перелом в умах: в московской правительственной среде и в обществе появляются люди, которых гнетет сомнение...; они теряют прежнее национальное самодовольство и начинают оглядываться по сторонам, искать указаний и уроков у чужих людей, на Западе, все более убеждаясь в его превосходстве и в своей собственной отсталости» [94, т. 3, с. 258].

В 1676 г. Алексей Михайлович умер и на престол вступил его старший сын четырнадцатилетний Федор, правивший до 1682 г.

Федор Алексеевич, воспитанник Симеона Полоцкого был, как и его отец, сторонником реформ, но для русского общества в те времена (да и во все другие) нужна не только санкция верховной власти, но и ее непосредственная реформаторская деятельность. Слабый и болезненный, юный царь не мог возглавить реформы. Казалось бы, родственники матери Федора должны были бы помогать ему, но они были ярыми противниками реформ и всеми средствами им препятствовали. Тем не менее, при царе Федоре было организовано несколько духовных школ и составлен проект будущей Славяно-греко-латинской академии, открывшейся уже после его смерти.

Со времени Собора 1666 г. велись споры о том, какой должна быть «правильная школа» – латинской или греческой. Победили сторонники греческой школы, потому что несмотря на присутствие многочисленных иностранцев, Немецкую слободу в Москве и т.п., Европа все еще представлялась далекой и чуждой многим русским людям XVII в. Они видели в «латинстве» опасность для православия и национальной самобытности.

Но «ревнители старины», ратовавшие за греческую школу, не принимали во внимание, что наследие Древней Греции было доступно в основном на латинском языке, а толкование этого наследия великими умами Западной Европы было всё на латинском языке. Кроме того, они не учитывали, что чисто греческую систему обучения после падения Константинополя в 1453 г. уже негде было заимствовать. Поэтому неизбежно возникали латинские школы. Но при распространении латинского языка расширялась аудитория у католических богословов. Для Руси это имело то пагубное следствие, что охранители православной веры оказывались, может быть, и вопреки их воле, в положении противников просвещения и образования вообще. Выходом из этого противоречия, казалось бы, была организация перевода нужных книг с латыни на церковнославянский и соответствующее сокращение преподавания

на латыни. Иными словами, «правильная школа» должна была бы быть славянской. Но такая концепция даже не обсуждалась. Лишь спустя двести лет она была реализована Ломоносовым в регламенте Петербургской академической гимназии.

Задержка в развитии не только светского, но даже духовного образования имела существенные негативные последствия. О них С.Ф. Платонов писал так: «Необразованный ум тогдашних мыслителей не умел отличить догмата от внешнего обряда, и обряд, даже мелкий, стали ревниво оберегать как залог вечного правоверия и национального благоденствия. С обрядом смешивали обычай, берегли обычаи светские как обряды церковные. Это охранительное направление владело многими передовыми людьми и глубоко проникало в массу. Такое направление многие и считают характерной чертой московского общества, даже единственным содержанием его умственной жизни до Петра» [152, с. 325].

В борьбе с «латинством» и вообще с европейскими веяниями Русь отказывалась от грандиозного наследия, оставленного Древним Римом, арабской наукой, эпохой Возрождения, великими географическими открытиями, средневековыми мыслителями и учеными Нового времени. Поэтому к концу XVII века наша страна подошла с грузом таких проблем, которые в странах Западной Европы были решены несколько столетий назад.

Корень этих проблем мы видим в том, что по ряду причин объективного и субъективного характера за семьсот лет, прошедших после крещения Руси, православная церковь не выросла в социальный институт, способный адекватно реагировать на вызовы времени. Особенно большое значение имело то, что за эти годы церковь не смогла создать систему подготовки служителей культа и ввести в практику регулярное заявление своего мнения по социально значимым вопросам во время проповедей.

Когда в XVIII в. государству понадобилась школа, и оно приступило к ее устройству, то «государство уже не встретило конкурента в лице церкви. Напротив, по его же настоянию церковная администрация завела первые свои духовные школы. На первых порах государственная власть готова была передать в духовное ведомство и светские школы. Но церковь, как и общество, смотрела на школу как на государственную повинность» [125, с. 475–476]).

Православная церковь не смогла взять на себя не только обязанность повсеместно обучать людей, но также и обязанность издавать книги и другими способами содействовать государству в развитии страны. Наоборот, государство оказывалось вынужденным помогать церкви в решении ее проблем. Так, царь Алексей Михайлович должен был стараться преодолеть церковный раскол, а Петру I приходилось заботиться о правильном переводе Библии и строить церковь как институт. (Но у императора никак не может получиться социальный институт, только государственный, т.е. аналог министерства. Св. синод и стал таким «министерством».)

С.Ф. Платонов отмечал, что с середины XVII в. русское общество разделилось «на два лагеря: людей старозаветных и новых. Одни отворачивались от «прелести бесовской», другие же всей душой шли навстречу образованию и культуре, ...думали о *реформе* (выделено Платоновым). Но оба лагеря не представляли в себе цельные направления, а дробились на много групп, и поставить эти группы хотя в какой-нибудь порядок очень трудно. ...Каждый думал совсем по-своему, и нельзя заметить в хаосе мнений, какой тогда был, сколько-нибудь определенных общественных течений» [152, с. 327].

О том же писал Ключевский: «Раскол, происшедший в русской церкви XVII в., был церковным отражением нравственного раздвоения русского общества под действием западной культуры. Тогда стали у нас друг против друга два мирозерцания, два враждебные порядка понятий и чувств» [94, т. 3, с. 362].

Из-за этого противостояния Русь не использовала опыт других стран и неоднократно выбирала тупиковые пути развития своих государственных институтов. Так к концу XVII в. перспективы развития утратили государственное устройство, система охраны порядка, отно-

шения государства и церкви, образование, а тупик, в который зашло развитие обороны, угрожал существованию страны.

По словам историка К.Д. Кавелина, к концу XVII в. «древняя русская жизнь исчерпала себя вполне. Она развила все начала, которые в ней скрывались, все типы, в которых непосредственно воплощались эти начала. ...Последним ее усилием, венцом ее существования, были первые зачатки государства и начало личности. В них она превзошла себя, как бы вышла из своих пределов, хотя и государство, и личность долго созрели и готовились к действию под формами, ею созданными и развитыми. Она сделала все, что могла, и, окончивши свое призвание, прекратилась» [83, с. 50]).

Исчерпав себя и прекратившись, «древняя русская жизнь» не канула в Лету. Сама зайдя в исторический тупик, она ощущала себя загоняемой в угол и яростно боролась со всем новым и поэтому бывшим ей чуждым, о чем, в частности, свидетельствуют стрелецкие бунты 1682, 1689 и 1696 гг. Борьба «двух лагерей» не закончилась в XVII в. и продолжается по сей день.

Чем же должен был стать для Руси новый век? Веком крушения, подобного крушению Византии, и исчезновения с политической карты мира? Или веком отыскании новых путей развития и перемен всех движений на эти пути?

Для своего спасения Русь нуждалась в царе-преобразователе, сознающем необходимость *научного* образования и просвещения своих подданных и готового употребить для этого собственные титанические усилия и все возможности самодержавного правления. Правитель типа Алексея Михайловича никак не годился на роль такого преобразователя: «от него совершенно нельзя ждать той страстной энергии, какой отмечена деятельность его гениального сына, той смелой инициативы, какой отличался Петр» [152, с. 347].

По словам С.М. Соловьева, к концу XVII века, «необходимость движения на новый путь была признана, обязанности при этом определились; народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился» [178, с. 72]). Осознавая необходимость огромных усилий, чтобы наверстать упущенное, и будучи великим тружеником, Петр заставлял трудиться и других (учиться, строить, воевать и т.п.). Это вызывало всяческое сопротивление. Если народ даже и «поднялся и собрался в дорогу», то почему-то решил, что она будет короткой и легкой, и что его ждет не упорный труд, а «манна небесная».

* * *

Глава 2

Образование, наука и просвещение в XVIII в.

Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро.
А.Н. Радищев

В допетровской Руси государственные попытки духовного преобразования общества были нерегулярными; усилия отдельных деятелей просвещения тонули в болоте всеобщего невежества, равнодушия и даже враждебности. Так, после крещения Руси (988 г.) князь Владимир приказал «собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих... плакали о них как о мертвых» [143, т. 1, с. 133].

За 700 лет мало что изменилось. Пушкин в подготовительных текстах к «Истории Петра I» приводил фамильное предание: «За посылание молодых людей в чужие края старики роптали, что государь, отдавая их от православия, научал их басурманскому еретичеству. Жены молодых людей, отправленных за море, надели траур (синее платье)» [160, т. 8, с. 12]. Создается впечатление, что русские вообще не хотели учиться. Это верно, но не вполне. Они хотели учиться так, как привыкли (т.е. дома или у знакомого дьячка, ремесленника и т.п.), а не так, как предписывалось властями.

К концу XVII в. на путях развития многих институтов Русского государства обнаружилось тупики, – коренная смена этих путей стала жизненно необходимой и состоялась. Она неразрывно связана с именем Петра I и его преобразованиями, затронувшими все стороны жизни государства и общества.

В сфере образования реформаторские усилия Петра были обусловлены предшествующим отставанием страны: «Не сделав ничего для русского образования, господствующая партия сама поставила преобразователя в необходимость все делать самому и все начинать сначала» [125, с. 222].

За годы правления Петра были созданы профессиональные учебные заведения, необходимые для военных и гражданских нужд новой России, организованы светские начальные («цифирные») школы, сделана попытка ввести обязательное обучение сыновей дворян и приказных людей. Одним из последних просветительских деяний Петра было учреждение Петербургской академии наук с университетом и гимназией.

Даже простое перечисление того, что сделал Петр за четверть века для народного просвещения, производит сильнейшее впечатление: введение нового летосчисления и гражданского шрифта, создание первого российского музея – Кунсткамеры – и первой публичной библиотеки, издание первой общероссийской газеты и первых русских учебников, организация общедоступного театра и многое другое, о чем будет идти речь в этой главе.

Ближайшие преемники Петра (Екатерина I и Анна Иоанновна) не слишком преуспели в заботах о науке, образовании и просвещении. Петербургская академия наук продолжала существовать без регламента, по разным причинам она лишилась многих иностранных ученых. Академический университет и гимназия владели жалкое существование. Из-за недостатка учеников сокращалось количество светских начальных школ, учрежденных Петром. Несколько лучше обстояли дела в военных учебных заведениях, куда дворяне охотно отдавало своих детей.

Однако титанические усилия Петра и его сподвижников «образовать, лицезреть русских людей внутри и снаружи по подобию просвещенных народов» не были напрасны – общество, прежде всего дворяне, постепенно осознавало необходимость и выгоды образования.

С начала 40-х гг. XVIII в. в России начинается новое просветительское движение, во главе которого стоял Михаил Васильевич Ломоносов. С его именем связаны почти все значительные достижения в области науки и образования 40-х – начала 60-х гг.

В частности, в 1754 г. Ломоносов вместе с графом И.И. Шуваловым разработали проект совершенно нового для России высшего учебного заведения, которым должен был стать Московский университет. (25 января 1755 г. императрица Елизавета подписала «Указ об учреждении в Москве университета и двух гимназий»).

В 1760 г. Шувалов представил императрице Елизавете проект указа об учреждении во всех крупных городах гимназий, а в небольших городах – начальных школ, т.е. речь шла о создании государственной системы школьного образования. Однако указ не был утвержден. Дело организации государственных учебных заведений было отложено до екатерининской реформы начала 80-х гг. XVIII в.

Эпоха «просвещенного абсолютизма» в России неразрывно связана с правлением Екатерины II. В эти годы формировалась новая когорта просветителей, в числе которых были как близкие к императрице люди, так и ее оппоненты.

В начале царствования Екатерины наиболее значительные достижения в области народного образования были связаны с организацией воспитательных учреждений.

Взросла роль Академии наук в поддержке изобретательства, научных исследований и популяризации науки. Члены Академии принимали непосредственное участие в постановке и практическом решении разнообразных технических задач, создавали учебники по различным областям знания, в том числе, адресованные тем, кто не имел возможности получить систематическое образование. Академия наук организовывала экспедиции в различные области России для проведения естественнонаучных, исторических, этнографических и экономических исследований. В 1765 г. было основано первое в России научное общество – «Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства».

Немалую роль в развитии образования сыграла губернская реформа 1775 г. Увеличение количества губерний влекло за собой увеличение губернских и уездных городов и, следовательно, рост количества гимназий и других образовательных учреждений. Расширялась городская интеллектуальная элита, росло ее влияние на общественное мировоззрение, причем элиту составляла не только дворянская, но и разночинная интеллигенция – учителя, врачи, чиновники.

В 1782–1786 гг. была проведена реформа народного образования. Согласно «Уставу народных училищ в Российской империи», утвержденному императрицей в 1786 г., народное образование впервые объявлялось государственным делом. Для подготовки учителей создавались отделения при главных училищах, а в 1786 г. была основана Петербургская учительская семинария.

В 90-е гг. произошел резкий поворот в настроениях императрицы и во всей российской политике. В сложном сочетании объективных и субъективных причин этого поворота ведущую роль сыграла Французская революция. Опасения за будущее монархии и собственную судьбу заставило Екатерину всеми способами бороться с распространением революционных идей и всяким инакомыслием. Ссылка в Сибирь Радищева в 1790 г. и заключение Новикова в Шлиссельбургскую крепость в 1792 г. знаменовали конец политики «просвещенного абсолютизма» в России.

В этой главе мы проследим историю российского образования и просвещения в XVIII в., основные этапы которого связаны с именами Петра I, Ломоносова и Екатерины II. Особое внимание будет уделено реформам Петра, потому что они задали направление цивилизационному развитию России, и еще потому, что до сих пор продолжаются дискуссии о необходимости кардинальных реформ вообще и реформ Петра в частности.

2.1. Эпоха Петра I

Петровская эпоха ознаменовалась великим переломом в истории российского просвещения. Этот перелом имел объективные причины, а его форма во многом была predetermined детскими впечатлениями Петра^[50].

Сразу после смерти царя Федора Алексеевича (27 апреля 1682 г.) последовали страшные события. В мае 1682 г. произошел стрелецкий бунт, сопровождавшийся грабежами, избиениями и убийствами бояр. Июль того же года был отмечен выступлением старообрядцев в Грановитой палате в защиту старой веры. Все это происходило на глазах десятилетнего Петра, произвело на него неизгладимое впечатление и на всю жизнь связалось в цепочку: старина – раскол – мятеж. Как пишет Ключевский, «старая Русь тут встала и вскрылась перед Петром со всей своей многовековой работой и ее плодами» [94, т. 4, с. 9].

2.1.1. Детство и юность Петра

Первым учителем Петра был дьяк Никита Зотов, которому было поручено обучить Петра чтению и письму. По старому обычаю Петр последовательно осваивал азбуку, Часослов, Псалтырь, Апостол и Евангелие. Однако в преподавании Зотова уже ощущались европейские педагогические веяния. Например, он применял приемы наглядного обучения. По просьбе Зотова Петру выдали из дворцовой библиотеки исторические книги и рукописи с рисунками. Живописцам Оружейной палаты были заказаны новые иллюстрации. Есть упоминания о коллекции «потешных тетрадей», в которых были изображены золотом и красками города, здания, корабли, солдаты, оружие, сражения и «истории лицевые с прописями», иллюстрированные повести и сказки (см., например, [94, т. 4, с. 8–9]). Зотов показывал мальчику эти картинки, сопровождая рассказами не только о деятельности его отца – царя Алексея Михайловича, но и о давних временах Св. Владимира, Александра Невского, Дмитрия Донского и Ивана Грозного. Интерес к русской истории Петр сохранил на всю жизнь и впоследствии, заботясь о народном просвещении, он «много хлопотал о составлении популярного учебника истории» [94, т. 4, с. 9].

В результате стрелецкого бунта 1682 г. царевна Софья объявила себя «правительницей» при малолетних царях Иване и Петре. Десятилетний Петр с матерью были вынуждены покинуть Кремль и поселиться в селе Преображенском. Там «никогда не руководимый, он начал продолжительную игру [в войну], какую сам себе устроил и которая стала для него школой самообразования... По сохранившимся дворцовым записям видим, как игра с годами разрастается и усложняется, принимая все новые формы и вбирая в себя разнообразные отрасли военного дела» [94, т. 4, с. 11].

Интересы взрослеющего Петра к различным техническим устройствам и иностранным приборам, подобным привезенной ему из Франции астролэбии, побудили его заняться образованием. Под руководством голландского корабельного мастера Франца Тиммермана Петр изучал математику, артиллерию и фортификацию. У Петра, в отличие от его старших братьев, не было просвещенных учителей, которые познакомили бы его с политическими и нравственными понятиями, рассказали об обязанностях государя и т.п. Ключевский пишет: «Место Симеона Полоцкого или Ртищева для него заступил голландский мастер со своими математическими и военными науками... Прежде, при Зотове, была занята преимущественно память; теперь вовлечены были в занятия еще глаз, слух, сообразительность; разум и сердце оставались праздными... Понятия и наклонности Петра получили крайне одностороннее направление... Солдаты, пушки, фортеции, корабли заняли в его уме место людей, политических учреждений, народных нужд, гражданских отношений. Необходимая для каждого мыслящего

человека область понятий об обществе и общественных обязанностях, гражданская этика долго, очень долго оставалась заброшенным углом в духовном хозяйстве Петра» [94, т. 4, с. 16].

Возникает вопрос: а как могло быть иначе? Федор Ртищев умер в 1673 г., когда будущему императору и года не исполнилось, а Симеон Полоцкий в 1680 г., когда Петру было всего восемь лет. Продолжатель просветительской деятельности Симеона Полоцкого, его ученик, подьячий Сильвестр Медведев (1641–1691) участвовал в заговоре против Петра I. От кого же в России мог Петр узнать о нуждах людей, о политических учреждениях, гражданских отношениях, общественных обязанностях и гражданской этике? Мы скоро увидим, что при первой же представившейся возможности, оказавшись в Англии, Петр очень быстро стал устранять недостатки гуманитарной части своего образования.

За 1683–1696 гг. Петр вырастил из своих «потешных» полков^[51] и переславльской флотилии кадры для новой российской армии и флота. В эти годы Петр близко сошелся со швейцарцем Францем Лефортом и другими людьми из Немецкой слободы, учился у них, перенимал их понятия и привычки. Он взял себе за правило первым обучаться всякому новому делу, чтобы подавать пример и обучать других.

Правительница Софья, опасаясь, что взрослеющий Петр лишит ее власти, в 1689 г. спровоцировала выступление стрельцов. Однако его предупредили об опасности, и он ночью бежал из Преображенского в Троице-Сергиеву лавру. Туда же подошли оставшийся верным Петру Сухаревский стрелецкий полк и воспитанные им «потешные» полки. Вопреки желанию Софьи, бунтовщики явились в лавру с покаянием. Несколько стрельцов было казнено, фаворит Софьи В.В. Голицын^[52], отправлен в ссылку, а Софья отстранена от власти и заключена в Новодевичий монастырь (без пострижения в монахини).

Таким образом, с 1689 г. Петр при больном и слабоумном брате Иване фактически стал единоличным правителем России. На время он передоверил государственные заботы своим родственникам, а сам продолжил заниматься созданием армии и флота. В 1690 г. Петр устроил большие манёвры в селе Семеновском, в 1691 г. – под Пресбургом, потешной крепостью на Яузе, лето 1692 г. он провел в Переславле, а в 1693 г. поехал в Архангельск, где основал верфь для постройки кораблей. В начале 1694 г. умерла его мать, а летом Петр со свитой снова отправился в Архангельск – там строился большой корабль. Осенью он провел последние потешные манёвры в Кожухове и приступил к решению неотложных государственных задач.

Первой задачей, оставленной Петру его предшественниками, была борьба с турками и крымскими татарами. Этого требовали постоянные нападения на южные земли и обязательства перед союзниками России – Польшей, Австрией и Венецией, согласно условиям заключенного в 1686 г. «вечного мира». Петр воспринял урок неудачных походов на Крым в 1687–1689 гг. под руководством князя В.В. Голицына и свои первые военные действия направил на взятие Азова^[53].

Весной 1695 г. регулярные московские войска (ок. 30 тыс. чел.) на судах дошли по Оке и Волге до Царицына, волоком^[54] переправились на Дон и осадили Азов. Однако крепость, получавшая подкрепление с моря, не сдавалась, а штурмы успеха не имели. Петр, участвовавший в осаде в качестве бомбардира, убедился в том, что без флота Азов не взять. В сентябре русские войска отступили, Петр возвратился в Москву и со всей энергией взялся за строительство флота в Воронеже. За несколько месяцев было построено 30 морских судов и более 1000 речных барок.

Весной 1696 г., спустившись вниз по Дону, войска осадили Азов. На этот раз осада была полной, так как флот блокировал крепость с моря. 18 июля Азов капитулировал. В 1696 г. в Константинополе был заключен мир с Турцией, по условиям которого Азов и часть прилегающего побережья отошла к России.

Теперь Петр мог приступить к решению давней задачи – вернуть русские земли на Балтике, захваченные шведами. Петр считал необходимым иметь там гавань, обеспечивающую

связь с Западной Европой. России предстояла долгая война со Швецией. Но прежде чем ее начинать, Петр решил познакомиться с постановкой военного и морского дела в европейских странах.

2.1.2. Знакомство с европейской цивилизацией

В 1697 г. Петр под именем Петра Михайлова в составе русского посольства отправился в Европу с целью укрепить прежние отношения с западноевропейскими государствами и завязать новые в видах борьбы с Османской империей. Но кроме этой официальной цели, миссия имела и другую – найти опытных капитанов и мастеров корабельного дела.

В Утрехте и Гааге Петр встречался с английским королем Вильгельмом III. Вильгельму понравилась энергия молодого царя, его страсть к наукам, особенно к связанным с кораблестроением. Он подарил Петру только что построенную двадцатипушечную яхту «Транспорт-Ройял». Получив благодарность Петра и узнав о его намерении посетить Англию, Вильгельм выслал для сопровождения царя королевскую яхту и три линейных корабля.

7 января 1698 г. Петр отправился из Амстердама в Лондон. Там состоялась его новая встреча с Вильгельмом III, причем беседовали они по-голландски. В Англии Петр посещал корабельные верфи, арсенал, фабрики и мастерские, ездил в Гринвичскую обсерваторию, где познакомился с Эдмундом Галлеем^[55]. Под именем врача-философа Петра Постникова, царь погрузился в лондонскую научную жизнь, познакомился с Обществом врачей и многих уговорил поехать в Россию.

Петр изучал государственное устройство Англии, ее законодательство, денежную систему, образование. Он посетил Оксфордский университет, чтобы познакомиться с профессорами геометрии, астрономии и географии – наук, связанных с мореплаванием и навигацией и поэтому особенно интересовавших Петра.

Тем временем Я.В. Брюс^[56] изучал математику, географию, историю, политику и экономику Англии, закупал научные инструменты, приглашал английских математиков на русскую службу.

Мы видим, что Петр и Брюс учились тому, чему в России учиться было негде и не у кого. Образование, отвечающее нуждам государства, как их понимал Петр, предстояло создавать с нуля.

Несколько раз Петр посетил Монетный двор в Тауэре, смотрителем которого в то время был Ньютон. Прямых свидетельств об их встрече нет, но когда в 1713 г. вышло второе издание «Начал», в списке обязательной рассылки, составленном Ньютоном и содержавшем около 70 лиц и учреждений, на первом месте значилось: «б – царю для него самого и для главных библиотек Московии» (цит. по [90, с. 382]).

В августе 1698 г. Петр, получив известие о новом стрельцком бунте, спешно возвратился из Англии в Москву. К моменту его возвращения бунт уже был подавлен, проведено следствие, несколько человек были повешены, другие заключены в тюрьму. Однако Петру этого показалось мало. Он начал собственное расследование и жестоко покарал бунтовщиков. Софья была пострижена в монахини в Новодевичьем монастыре. В деле оказались замешаны родственники жены Петра Евдокии Лопухиной, они были высланы из Москвы, а царица Евдокия пострижена в монахини в Суздальском Покровском монастыре.

Так Петр «впервые рассчитался со старым порядком и стал проводить свои культурные новшества» [152, с. 327].

2.1.3. Организация светского образования

Начиная с 1697 г., Петр посылал десятки знатных молодых людей в Европу для обучения морскому и инженерному делу. Из дневника князя Бориса Куракина следует, что они учились там «математике, части астрономии, нафтике [навигации], фортификации оборонительной и наступательной и много плавали» [94, т. 4, с. 236]. Некоторые из дворян, отправленных Петром учиться в Европу, впоследствии оставили воспоминания о том времени. Из них можно сделать вывод о том, насколько трудным и непродуктивным было обучение для неподготовленных и равнодушных к наукам людей: «Скоро оказалось, что технические науки плохо прививались к сословию, что русскому дворянину редко и с великим трудом удавалось стать инженером или капитаном корабля... Но пребывание за границей не проходило бесследно: обязательное обучение не давало значительного запаса научных познаний, но все-таки приучало дворянина к процессу выучки и возбуждало некоторый аппетит к знанию» [94, т. 4, с. 238].

Одновременно с посылкой дворян для обучения в Европу Петр озаботился устройством образовательных учреждений в России, в первую очередь для нужд армии и флота. В 1698 г. Петр пригласил профессора Эбердинского университета Фарварсона^[57] приехать в Россию. При участии Фарварсона в 1701 г. в Москве в Сухаревой башне была открыта «Школа математических и навигацких наук» – первое светское государственное учебное заведение в России. С.М. Соловьев упоминает о правиле Петра «брать иностранцев, но строго наблюдать за ними, чтобы они не теснили русских, и как можно скорее выдвигать последних, чтоб они могли заменить наемников» [178, с. 134]. Так, к Фарварсону был приставлен русский помощник – Леонтий Филиппович Магницкий (1669–1739). Вскоре Магницкий стал старшим учителем и заведующим учебной частью. Магницкий остался в истории российского образования благодаря учебнику «Арифметика, сиречь наука числительная» (1703). «Арифметика» Магницкого была издана в Москве в 1703 г. по повелению Петра «...ради обучения мудролюбивых российских отроков и всякого чина и возраста людей». В этом учебнике наряду с арифметикой излагались элементы алгебры, геометрии, тригонометрии, астрономии, геодезии и навигации. «Арифметика» использовалась в российских школах более шестидесяти лет (видимо, до появления в 1768–1769 гг. «Универсальной арифметики» Л. Эйлера). «Арифметика» Магницкого была у Ломоносова в котомке, с которой он в 1730 г. отправился учиться в Москву.

Отметим, что хотя первая русская светская школа создавалась как профессиональная морская, ее выпускники по необходимости становились дипломатами, строителями, геодезистами, инженерами и учителями, т.е. Навигацкая школа и созданная в 1715 г. на ее основе Петербургская морская академия играли еще и роль общеобразовательных учебных заведений, так же как и профессионально богословские Славяно-греко-латинская академия в Москве и Киево-Могилянская академия. Роль этих учебных заведений в становлении российского образования трудно переоценить. В частности, они поставляли учителей для создаваемой Петром системы светских школ, а их лучшие ученики становились студентами первого российского университета при Петербургской академии наук.

В 1707 г. при Московском военном госпитале была открыта Медицинская школа. В 1711 г. в Москве открылась Инженерная школа, а в Петербурге – Артиллерийская. Учебные заведения того времени «были разносословные и довольно элементарные, только венчавшие свои программы какими-нибудь специальностями» [94, т. 4, с. 241]. Из-за нежелания дворян отправлять своих детей учиться возникали трудности комплектования. Так, в Инженерную школу сначала было набрано 23 ученика. Петр потребовал довести количество учащихся до 150, при условии, что две трети будет дворянских детей. Чтобы выполнить это предписание, учеников набирали принудительно. Ключевский пишет: «В школьном ведомстве создавалась атмосфера, чуждая и даже враждебная науке» [94, т. 4, с. 242]. Не хватало учебников, многие

учителя были несведущи в науках, часто пренебрегали своими обязанностями, инструкции предусматривали телесные наказания по всякому поводу не только для учеников, но и для учителей. Школяры бежали из школ. Такое положение в народном образовании «станет для нас вполне понятным явлением, если к труднообразимому языку, на каком преподавали иноземные учителя, к неуклюжим и притом трудно добываемым учебникам, к приемам тогдашней педагогики, вовсе не желавшей нравиться учащимся, прибавим взгляд правительства на школьное ученье не как на нравственную потребность общества, а как на натуральную повинность молодежи, подготовляющую ее к обязательной службе. Когда школа рассматривалась как преддверие казармы или канцелярии, то и молодежь приучалась смотреть на школу, как на тюрьму или каторгу...» [94, т. 4, с. 243]. Были и некоторые исключения из общего правила, одно из них – гимназия пастора Глюка, явившаяся первой попыткой завести светскую общеобразовательную школу.

Гимназия пастора Глюка. Пастор Глюк известен из-за его экономки Марты Скавронской, ставшей впоследствии женой Петра Великого и русской императрицей Екатериной I, и меньше как педагог. В то время Глюк был, возможно, единственным профессиональным педагогом в России, знакомым с педагогической системой Коменского и следовавшим ей в практике обучения.

Пастор Глюк получил богословское и филологическое образование в немецких университетах и отправился в качестве миссионера в Лифляндию в г. Мариенбург. Там он изучил русский и латышский языки, перевел на них тексты Библии (русский перевод Библии погиб при осаде Мариенбурга), занимался устройством русских и латышских школ, переводил для них учебники. В 1702 г. при взятии Мариенбурга русскими войсками пастор попал в плен и был препровожден в Москву в качестве переводчика Посольского приказа и для обучения сыновей подьячих немецкому, французскому и латинскому языкам. Петр оценил способность пастора обучать не только языкам, но и «многим школьным математическим и философским наукам на разных языках».

В просветительские планы Петра входило сделать Св. Писание максимально общедоступным. Поэтому он намеревался издать много экземпляров Библии на церковнославянском языке и различные пособия по ее чтению, а также перевод Библии на разговорный русский язык. Первые попытки перевода богослужебных книг на разговорный русский язык предпринимались в конце XVII в. В 1680 г. в Москве была издана «Псалтирь рифмотворная», принадлежавшая перу Симеона Полоцкого. В 1683 г. переводчик посольского приказа Авраамий Фирсов перевел Псалтирь на современный ему разговорный язык, объяснив в предисловии, что в прежнем виде ее нельзя правильно понять «по множеству в ней речений разных языков» [192, с. 248]. Перевод Фирсова был запрещен патриархом Иоакимом. Богослужение и обучение продолжало идти на церковнославянском языке. Петр поручил Глюку сделать перевод Нового Завета, что тот и исполнил. Однако в 1705 г. Глюк скончался, и судьба его перевода неизвестна (см., например, [192, с. 248]). Петр, занятый другими делами, видимо больше не проявлял интереса к этой затее. Идея перевода Библии на русский язык возродилась лишь в начале XIX в., о чем речь будет идти в следующей главе.

В начале 1705 г. Петр издал указ «об учреждении гимназии для бесплатного обучения детей бояр, окольных, думных и ближних и всякого служилого и купецкого чина людей». В школе Глюка использовалась классно-урочно-предметная система обучения. Курс обучения состоял из трех классов: начального, среднего и высшего. Для своей школы Глюк подготовил на русском языке краткую географию, русскую грамматику, лютеранский катехизис, молитвенник и «ввел в преподавание руководства к параллельному изучению языков чешского педагога XVII в. Коменского, из которых *Orbis Pictus* (*Мир в картинках*) обошел чуть ли не все начальные школы Европы» [94, т. 4, с. 244–248].

После смерти Глюка его школа постепенно пустела: ученики и учителя переходили в Славяно-греко-латинскую академию и Медицинскую школу. В 1715 г. оставшиеся учителя были переведены в открывающуюся в Петербурге Морскую академию. После закрытия школы Глюка единственным общеобразовательным всесословным учебным заведением в Москве оставалась Славяно-греко-латинская академия. В 1716 г. в академии училось около 400 студентов [94, т. 4, с. 247].

Параллельно с попытками приобщить дворянских детей к светскому образованию, предпринимались разнообразные меры, стимулирующие повышение уровня грамотности духовенства. В 1708 и 1710 гг. были изданы царские указы, предписывающие отдавать в школы детей духовных лиц под страхом лишения права наследования места родителей.

2.1.4. Просветительские начинания Петра

Петр издал указ, согласно которому 1 января 7208 г. от сотворения мира отмечался как первый день нового 1700 г. от Рождества Христова, тем самым вписав Россию в общеевропейскую историю.

Важным событием в деле народного просвещения было создание по указу Петра в 1703 г. первой общероссийской газеты «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах» (с 1728 г. – «Санкт-Петербургские ведомости»)^[58]. Вот что писал о роли газет С.М. Соловьев: «Могущественное средство развития человека состоит в расширении сферы; человек развивается, когда переносится из бедной простой обстановки жизни, из круга немногих и постоянно повторяющихся явлений, в жизнь, обстановленную богаче, представляющую больше разнообразия предметов и явлений; сельчанин поэтому развивается, когда переносится в город, еще сильнее развивает путешествие, бывалость; но человек новой Европы приобрел еще одно средство развития, возможность участия в жизни всего современного человечества: это ведомости обо всем совершающемся в современности, ведомости, которые распространяются с такою быстротой посредством печати» [178, с. 135].

Примечательно, что в первом номере «Ведомостей» как о важнейшем событии сообщалось, что «повелением его величества московские школы умножаются, и 45 человек слушают философию и диалектику уже окончили, в математической штурманской (навигационной) школе больше 300 человек учатся и добре науку приемлют» (цит. по [94, т. 4, с. 238]). В качестве «Приложений к Санкт-Петербургским ведомостям» издавался первый в России научно-популярный журнал. «Приложения» служили единственным источником знаний о науке и технике того времени для многих людей, не имевших возможности получить систематическое образование.

Одним из самых важных и трудных дел был перевод иностранных учебников на русский язык: «Кроме страшной трудности передачи научных понятий на языке народа, у которого до сих пор не было науки, была еще трудность, происходившая от существования двух языков, резко различавшихся друг от друга: книжного, или так называемого церковно-славянского, и народного» [178, с. 134]. Петр принял активное участие в этом деле: он не только указывал, какие книги надо переводить, но сам исправлял сделанные переводы и учил других. Он писал одному переводчику: «Книгу о фортификации, которую вы перевели, мы прочли: разговоры зело хорошо и внятно переведены; но как учить фортификации делать, то зело темно и непонятно переведено; не надлежит речь от речи хранить в переводе; но точию его выразумев, на свой язык уже так писать, как внятнее может быть» (цит. по [178, с. 134–135]).

Еще одним средством просвещения народа Петр считал общедоступный театр. В тяжелые годы войны со Швецией, едва оправившись от поражения под Нарвой, Петр выписал из Германии странствующую труппу актеров, в числе которых были и немецкие студенты. Управ-

лял труппой актер и переводчик Куншт. На Красной площади для публики, для «охотных смотрельщиков», был построен первый театр – «комедиальная хоромина». Переводчики Посольского приказа переводили на русский язык пьесы из репертуара труппы; в их числе помимо исторических произведений была комедия Мольера «Доктор принужденный» («Лекарь поневоле»), а также пьесы, специально сочиненные по поводу какого-либо важного события, например, взятия крепости Орешек.

Петр инициировал разработку нового, так называемого «гражданского» шрифта. По указу 1708 г. все книги светского содержания стали печатать этим шрифтом. Первой такой книгой была «Геометрия, словенски землемерие».

Отметим, что до Петра евклидова геометрия почти не была известна на Руси. Под геометрией понималось буквально искусство мерить землю, причем единственным средством измерения была мерная веревка, средств для измерения углов не было никаких. Поэтому правила этого «искусства» были самыми примитивными: площадь любого треугольника вычислялась посредством умножения одной стороны на половину другой, площадь круга приравнивалась к площади квадрата со стороной, равной четверти окружности, и т.п. (подробнее см., например, [125, с. 225]). Эти «правила» показывают, насколько может отстать страна, самодовольство которой достигло таких границ, что она презирает окружающий мир и не желает изучать его достижения. В 1719 г. был напечатан учебник геометрии «Эвклидовы элементы», созданный в Навигацкой школе под руководством Фарварсона.

С 1708 г. начали ежегодно издавать календари, содержавшие наряду с астрономическими сведениями астрологические предсказания. Первый календарь без астрологии был опубликован в 1719 г. русским ученым Алексеем Изволовым, получившим образование за границей. Изволов предупреждал, что в его календаре не будет астрологических предсказаний, т.е. «назначивания о перемене воздуха и прогностики или пророчения предбудущих времен», так как астрономия не может делать подобных предсказаний и их помещение в календаре есть простое шарлатанство, «чтобы наполнить больше бумаги и достать от простого народу больше денег» (цит. по [125, с. 229]).

В 1711 г. в Петербурге открылась типография, а при ней книжная лавка. В целом же за период с 1708 г. по 1725 г. в России было напечатано книг больше, чем за предыдущие 150 лет, прошедших со времени издания Иваном Федоровым «Апостола».

В 1712 г. Петр повелел «издать печатным тиснением книгу Библии на словенском языке^[59]; а прежде тиснения прочесть ту словенскую Библию и согласить во всем с греческою семьдесятими переводчиков. И быть у дела того в смотреии и исправлении еллинско-греческих школ учителю, иеромонаху Софронию Лихудию, да Спасскаго монастыря архимандриту Феофилакту Лопатинскому, да типографии справщикам Феодору Поликарпову и Николаю Семенову, в чтении справщиком же монаху Феолу да монаху Иосифу. А согласить им и править в главах и стихах в речах против греческой Библии, грамматическим чином. И буде где в словенской против греческой Библии явятся стихи пропущены или главы перемешаны или и в разуме Писанию Священному греческому противность явится: и о том доносить преосвящ. Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому, и от него требовать решения» (цит. по [192, с. 245–246]). Исправление было окончено в 1723 г., и Синод постановил «исправленную Библию на славянском диалекте напечатать неотложно», однако это «неотложное» дело затянулось до самой кончины Петра, а после нее и вовсе остановилось. Исправленная Библия была напечатана лишь в 1751 г. по требованию императрицы Елизаветы.

В 1711 г. во время одной из зарубежных поездок Петр познакомился с Лейбницем и переписывался с ним до самой смерти ученого в 1716 г. По просьбе Петра Лейбниц разработал проекты развития государственного управления и просвещения в России: «Лейбниц подал царю совет собирать и сохранять письменные и вещественные памятники древности, послать экспедицию для открытия пролива между Азией и Америкой, устроить постоянные

сношения России с Китаем, снарядить ученые путешествия для географических и физических открытий, учредить в России высшее учебное заведение или университет под названием академии» [101, т. 3, с. 654]. Лейбниц разработал также и проект университета. Во многом под влиянием Лейбница Петром овладела мысль о коренной перестройке российского образования и создании Академии наук, о которой речь будет идти в п. 2.1.6.

2.1.5. Последнее десятилетие

Петр не оставлял забот о народном просвещении до самой смерти в январе 1725 г. Вот лишь некоторые эпизоды просветительской деятельности Петра в последнее десятилетие его правления.

В 1714 г. в Петербурге открылась первая в России публичная библиотека. Ее основу составили книжное собрание русских царей из Московского Кремля, книги, подаренные Петру иностранцами или приобретенные им во время заграничных поездок, а также книги, конфискованные у опальных бояр. Через десять лет библиотека уже насчитывала 11 тысяч томов. В 1725 г. библиотека была передана в ведение Академии наук. Кроме публичной библиотеки формировались и приобретали известность крупные частные книжные собрания сестры Петра Натальи Алексеевны, Феофана Прокоповича, Я.В. Брюса, Д.М. Голицына и др. За время правления Петра печатная продукция выросла в 20 раз, причем 90 % ее составляли книги светского содержания.

В 1714 г. в Петербурге открылась Кунсткамера – первый российский музей. Начало этому музею положила приобретенная Петром анатомическая коллекция голландского доктора Рюйша. Петр издал несколько указов с призывами к населению присылать разные диковинные вещи для нового музея. В башне Кунсткамеры, где разместилась одна из первых российских обсерваторий, и по сей день хранится реконструкция Большого Готторпского глобуса, построенного в 1651–1664 гг. по распоряжению Гольштейн-Готторпского герцога Фридриха III и подаренного Петру в 1713 г. (В 1747 г. глобус сгорел во время пожара, был восстановлен в 1748–1752 гг. и получил название «Большой академический глобус»). Для обсерватории были приобретены телескопы и другие инструменты, необходимые для астрономических наблюдений. Петр считал организацию музея важным делом, способствующим просвещению народа, поэтому по его указу посетителей привлекали в Кунсткамеру бесплатным угощением и выпивкой.

В 1714 г. именными царскими указами было введено обязательное обучение сыновей дворян и приказных людей – «совершенно новый факт в истории русского просвещения» [94, т. 4, с. 79]. Это было вынужденным шагом, поскольку российские государственные учреждения отчаянно нуждались в образованных сотрудниках. Указы предписывали во всех губерниях при архиерейских домах и в крупных монастырях независимо от церковных школ завести так называемые «цифирные» всесловные школы. В качестве учителей по распоряжению Петра были разосланы в губернии по два ученика Навигацкой школы. В 1716 г. было открыто в разных городах России 12 «цифирных» школ, через несколько лет – еще около тридцати. Программа обучения была скромной: детей 10–15 лет всякого чина велено было учить грамоте, арифметике, началам геометрии и лишь некоторым сведениям из Закона Божьего, помещавшимся в букварях. Учение полагалось бесплатным, но по его окончании при выдаче свидетельства учитель имел право брать по рублю с каждого ученика. (Без такого свидетельства нельзя было жениться.) В 15 лет обучение должно было заканчиваться, «дабы под именем той науки от смотров и определения в службу не укрывались». Однако опасность грозила с другой стороны: вопреки царскому указу родители не посылали детей для обучения, всячески тяготились «цифирной повинностью», предпочитая духовные учебные заведения, поскольку духовное образование было ближе и понятней родителям – людям предшествующей эпохи.

Та же тенденция характерна для высшего и среднего светского образования. Ключевский пишет, как «толпа дворян, не желавших поступить в математическую школу, записалась в Заиконоспасское духовное училище. Петр велел взять любителей богословия в Петербург в морскую школу и в наказание заставил их бить сваи на Мойке» [94, т. 4, с. 79].

В 1715 г. Петр учредил в Петербурге Морскую академию и написал инструкцию по обучению: «положено было учить арифметике, геометрии, фортификации, навигации, артиллерии, географии, рисованию, живописи, воинскому обучению, фехтованию и некоторым сведениям из астрономии» [101, т. 3, с. 652]. Для преподавания в Морской академии из Московской школы математических и навигацких наук в Петербург был переведен Фарварсон. Московская навигацкая школа продолжала функционировать в качестве среднего профессионального учебного заведения до 1752 г., когда был открыт Морской шляхетский кадетский корпус. В числе выпускников школы были прославленные адмиралы Н.Ф. Головин и В.Я. Чичагов, исследователи Камчатки И.М. Евреинов и Ф.Ф. Лужин. По образцу московской школы было открыто еще несколько математических школ в разных городах России.

В 1716 г. царь приказал отправить в Кенигсберг 30–40 молодых подьячих для изучения немецкого языка. В их числе был И.К. Кирилов, один из основоположников отечественной географической науки^[60].

В 1717 г. Петр разослал учеников Петербургской морской академии по губерниям для составления географических карт. С 1720 г. по возвращении в Россию эту работу координировал Кирилов, по ее результатам уже после смерти Петра был издан первый Атлас Российской империи (1734).

22 декабря 1717 г. Петр был единогласно избран почетным членом Парижской академии наук. В благодарственном письме французским академиком он написал: «Мы ничего больше не желаем, как чтоб через прилежность, которую мы прилагать будем, науки в лучший цвет привести» (цит. по [108, с. 44]).

В 1719 г. Петр, следуя предложению Лейбница, отправил навигаторов И.М. Евреинова (1694–1724) и Ф.Ф. Лужина (1695–1727) для решения вопроса, соединяется ли Америка с Азией. Они посетили Камчатку, Охотск и плавали между Курильскими островами, но на поставленный вопрос ответить не смогли. С той же целью незадолго до смерти Петр снарядил экспедицию Витуса Беринга (1681–1741). Во время Первой камчатской экспедиции 1725–1730 гг. Беринг открыл пролив между Азией и Америкой, названный его именем. (В 1648 г. этим проливом прошли суда экспедиции, возглавляемой Семеном Дежнёвым и Федотом Алексеевым, но тогда не было установлено, что это пролив между двумя континентами.)

В 1720 г. Петр приказал во всех епархиях собрать старинные грамоты, исторические рукописи и старопечатные книги из монастырей и церквей и доставлять в Петербург в публичную библиотеку.

В 1721 г. по приказу Петра в Петербурге при Александро-Невском монастыре была учреждена всесословная начальная школа, в 1726 г. получившая статус Духовной семинарии.

В 1724 г. Петр издал инструкцию, согласно которой магистратам было вменено в обязанность учредить при городских церквях школы для обучения чтению, письму и счету детей из бедных семей, но эта инструкция не была выполнена.

2.1.6. Петербургская академия наук

27 января 1724 г. императорским указом была учреждена Петербургская академия наук, «где бы учились языкам, наукам и знатым художествам». Согласно «Проекту положения об учреждении Академии», она должна была стать не только научным, но и образовательным учреждением: «Академия предполагалась таким заведением, где бы ученые люди публично обучали молодых людей наукам, а некоторых из них воспитывали бы особо при себе с тем,

чтобы те, в свою очередь, могли обучать молодых людей первым основам знаний, стараясь, чтобы от этого имели пользу вольные художества и мануфактуры. Академия разделялась на три класса (факультета). В первом преподавали бы 4 персоны: одна математику, другая – астрономию, географию и навигацию, третья и четвертая – механику. Второй класс, физический – с 4 персонами – преподавателями анатомии, химии, физики теоретической и экспериментальной и ботаники^[61]. Третий класс – с 3 персонами, которые преподавали: элоквенцию (красноречие), древности, древнюю и новую историю, натуральное и публичное право, политику и этику; полезным считалось преподавание экономии.

Академики должны были изучать авторов по своей науке, рассматривать новые изобретения и открытия. Каждый академик должен был написать курс своей науки по-латыни с переводом на русский. При Академии следовало завести библиотеку и натуральных вещей камеру, иметь своего живописца и гравировального мастера. Три раза в год в Академии должны происходить публичные ассамблеи, на которых один из членов должен читать речь по своей науке» [101, т. 3, с. 742–743].

Замысел Петербургской Академии поистине впечатляет! Она должна была иметь сугубо светский характер и объединять науку и обучение. Согласно проекту, Академия существенно отличалась от западноевропейских университетов того времени и больше соответствовала гумбольдтовской концепции университета начала XIX в. Однако Петр не успел утвердить регламент Академии, и этот факт на десятилетия определил ее трудную и противоречивую судьбу. Регламент был утвержден лишь в 1747 г.

Благодаря усилиям Петра в Петербургской академии наук были собраны ученые из лучших университетов Европы. Среди них были математики Николай и Даниил Бернулли, Якоб Герман, астроном Ж.-Н. Делиль, физик Г.-Б. Бюльфингер, доктор медицины И.-Г. Дювернуа, профессор юриспруденции И.С. Беккенштейн. С 1727 г. в Академии стал работать Леонард Эйлер.

Академия открылась уже после смерти Петра. Указом императрицы Екатерины I ее первым президентом был назначен Л.Л. Блюментрост (1692–1755). Он был широко образованным человеком, учился в Галльском, Оксфордском и Лейденском университетах, в Лейдене защитил диссертацию и получил докторскую степень. Блюментрост много сделал для становления Академии.

Преподавание в Академии отличалось от первоначального проекта. Программу обучения составили основы философии, математики и стихосложения, а также физика, химия и минералогия (в том виде, в котором это было возможно в начале XVIII в.).

В 1727 г. при Академии наук была открыта типография, в которой печатались книги как на русском, так и на иностранных языках.

В 1728 г. Блюментрост перебрался в Москву, передоверив все академические, канцелярские и финансовые дела Иоганну Шумахеру (1690–1761), занявшему пост начальника академической канцелярии. Деятельность Шумахера, длившаяся более 35 лет, была губительна не только для Петербургской академии, но и для всей российской науки и образования. Как предостережение звучит характеристика Шумахера: «Этот первый бюрократ в русской науке, основоположник мрачной и мощной двухвековой традиции торжествующе-некомпетентного управления русской наукой, умел выжить как значимая административная единица при пяти монархах» [108, с. 59].

Становление Академии наук было очень трудным. В первые же годы она лишилась нескольких выдающихся ученых: в 1726 г. в возрасте 31 года скончался Николай Бернулли, в 1731 г. в результате ссоры с Даниилом Бернулли покинули Академию Бюльфингер и Герман. В течение десяти лет практически бездействовали организованные при Академии университет и гимназия – и это было главным ударом по замыслу Петра, видевшему главную задачу в подготовке национальных научных кадров. По пятилетнему контракту в Петербурге работали

знаменитые европейские профессора, однако в университете не было студентов – пришлось их выписать из Германии. Поскольку на 17 преподавателей было всего восемь слушателей, то профессора посещали лекции друг друга. В дальнейшем мы еще не раз будем говорить о научной и образовательной деятельности Петербургской академии в разные периоды ее существования.

2.1.7. Петровские реформы и церковь

С.М. Соловьев писал о том, что в своих преобразованиях Петр I «нуждался в помощи церкви, но церковь, чтоб дать желанную помощь в народном воспитании, нуждалась сама в помощи Преобразователя, ибо требовала преобразований» [178, с. 138]. И далее Соловьев очертил программу назревших преобразований церкви: «Поднять русское духовенство, давши ему могущество – науку, снабдивши его средствами восстановить свое учительское значение, свое нравственное влияние согласно с новыми потребностями, с новыми условиями, давши ему крепкое оружие для борьбы с враждебными влияниями; восстановить значение монастырей, ...прекративши злоупотребление материальными средствами обращением излишка этих средств на дела милосердия и просвещения; поднять белое духовенство, давши ему науку, учительскую способность и большие средства материальные» [178, с. 139].

Соловьев задает вопрос: «Но кто станет приводить в исполнение эту программу?» Патриарх Адриан умер в 1700 г. Вместо него был назначен не новый патриарх, а лишь местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский. Это свидетельствовало о приговлении Петра к упразднению патриаршества и о том, что церковные преобразования будут проводиться государством – т.е. самим Петром и его сподвижниками.

Среди священнослужителей было много противников петровских нововведений. В их числе был и Стефан Яворский. Некоторые духовные лица приняли активное участие в заговоре царевича Алексея, одним из главных заговорщиков был его духовник.

В числе сторонников петровских реформ были Дмитрий Ростовский и Митрофан Воронежский.

Дмитрий Ростовский. Митрополит Дмитрий Ростовский (в миру Даниил Саввич Туптало, 1651–1709) – русский церковный деятель, религиозный писатель и публицист, был одним из самых образованных людей своего времени, заботился о просвещении и нравственности населения, боролся с невежеством и пьянством, старообрядческим расколом и католицизмом. Сетую на необразованность духовенства, он писал: «Что человека вразумляет, как не учение?» Дмитрий завел при своем доме славяно-греческое училище и сам работал в нем учителем, потому что других не мог найти. Скончался Дмитрий в ночь на 28 октября 1709 года, но его погребение состоялось только 25 ноября. Оно откладывалось до приезда Стефана Яворского, который был другом Дмитрия и обещал отпеть и похоронить его.

Епископ Митрофан. Воронежский епископ Митрофан (в миру Михаил, 1623–1703) своим нравственным авторитетом и молитвами содействовал преобразованиям Петра, необходимость и цель которых хорошо понимал. При постройке в Воронеже флота Митрофан убеждал народ всемерно помогать Петру. Это было очень важно, поскольку многие считали флот бесполезным. Он передал Петру последние оставшиеся в архиерейской казне 6000 руб. на войну с турками и потом все накапливающиеся в казне деньги отсылал царю или в Адмиралтейство с надписью «на ратных» (подробнее см. [178, с. 142–143]). Святитель Митрофан скончался 23 ноября 1703. При его погребении 4 декабря присутствовал Петр. Царь лично нес гроб владыки, а после похорон, обратившись к приближенным, сказал: «Не осталось у меня такого святого старца».

Среди немногих сподвижников Петра, имевших духовное звание, были также Феофан Прокопович и Гавриил Бужинский.

Феофан Прокопович. Феофан Прокопович (1681–1736) был выдающейся фигурой своего времени. Широкое образование, полученное в Киево-Могилянской академии и Римской иезуитской коллегии, блестящие литературные и ораторские способности позволили Прокоповичу стать одним из самых ярких выразителей и пропагандистов реформаторских и просветительских начинаний Петра.

С 1705 г. Прокопович преподавал в Киево-Могилянской академии пиитику и риторику, а позднее – Философию, физику и математику. Помимо преподавания он выступал с проповедями, привлекавшие большое количество прихожан. В 1706 г. на проповеди в Печерском монастыре присутствовал Петр, находившийся в то время в Киеве. В 1709 г. в Софийском соборе Прокопович в присутствии царя произнес проповедь в честь победы русского войска над шведами под Полтавой. Петр запомнил красноречивого проповедника и во время неудачного прутского похода вызвал Прокоповича в Яссы. Затем по велению царя Феофан был назначен профессором богословия и ректором Киево-Могилянской академии.

В 1716 г. Прокопович был вызван Петром в Петербург, где он составлял родословную царя и читал проповеди с разъяснениями государственной политики. В 1718 г. он был назначен епископом Псковским и Нарвским, но находился в основном в Петербурге. С этого времени Феофан стал главным помощником царя в делах церковной реформы и народного просвещения. По поручению Петра он написал «Апостольскую географию», «Краткую книгу для учения отрокам» и другие учебники.

Прокопович составлял или редактировал все важнейшие законодательные акты по делам церкви, им был написан проект Духовного регламента 1721 г. Согласно регламенту, вместо патриаршества учреждалось новое высшее церковное учреждение – Духовная коллегия (позднее Синод^[62]). В состав Синода входили архиереи, архимандриты, игумены и протопопы – всего 12 человек. Первым президентом стал Стефан Яворский, вицепрезидентами – Феофан Прокопович и Феодосий Яновский. В качестве советников в Синод были привлечены известные литераторы и проповедники из круга Прокоповича: редактор и переводчик ученых сочинений, «школ и типографий протектор» Гавриил Бужинский, прославленный оратор Феофил Кролик, ректор славяно-латинских школ и духовный писатель Феофилакт Лопатинский и другие (подробнее см., например, [206], [134], [167]).

Феофан Прокопович был приверженцем новой науки, созданной трудами Бэкона и Декарта, и придавал большое значение просвещению. Ему принадлежат знаменитые слова: «Пусть просвещение волнует век». Многие просветительские идеи он воплотил в предписаниях Духовного регламента, касающихся образования священнослужителей. Согласно регламенту, в каждой епархии должны были быть открыты школы при архиерейских домах. Наблюдение за ними поручалось не светским, как в цифирных школах, а духовным властям. Учителями были по большей части местные церковнослужители, иногда выпускники Московской или Киевской духовной академии. Постепенно часть епархиальных школ преобразовалась в духовные семинарии, задачей которых была подготовка квалифицированных священнослужителей. В семинариях изучали курсы церковнославянской грамматики, а также риторики, философии и богословия. Прокопович написал несколько учебных пособий для семинарий. Особенную популярность приобрел его учебник риторики, в нем Прокопович высмеивал ораторские приемы иезуитов, хорошо известные ему по годам учебы в иезуитской школе в Риме. Кроме блестящих проповедей, на которые собиралось множество людей, Прокопович был знаменит также своими богословскими и политическими трактатами. Важнейшее сочинение Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей» – это своеобразная энциклопедия государственного права. Однако спрос на нее оказался невелик: «в 4 года не раскупили и 600 экземпляров» [94, т. 4, с. 269].

Костомаров писал о Прокоповиче: «Феофан был одним из самых ученых и развитых людей своего времени, но вместе с тем резко носил на себе все пороки своего века. Пока жив

был Петр, Феофан был деятельным, энергическим и полезным его сотрудником: где только нужна была умственная жизнь, ученый труд и свежая мысль, обращенная к практическим потребностям времени, там Феофан являлся понятливым и трудолюбивым исполнителем предположений и видов Петра, преимущественно в сфере церкви и народного воспитания. ...Но после кончины своего покровителя, Феофан неожиданно очутился в страшном омуте интриг, козней и лукавства. ...из мирного ученого времен Петра стал, после его кончины, ужасным тираном, не разбиравшим никаких средств... [101, т. 3, с. 885].

Гавриил Бужинский. Гавриил Бужинский (?–1731) – талантливый проповедник, переводчик, публицист и педагог. Выходец из Малороссии, он получил прекрасное образование в Киево-Могилянской академии. В 1706 г. Бужинский был приглашен в Москву преподавать в Славяно-греко-латинской академии (в то время она называлась Славяно-латинской академией). Вскоре он постригся в монахи и занялся активной проповеднической и публицистической деятельностью. По-видимому, не без участия Прокоповича Бужинский стал известен Петру. В 1714 г. он был переведен в Александро-Невскую лавру. Вскоре царь назначил Бужинского обер-иеромонахом флота.

В своих проповедях и сочинениях Бужинский прославлял реформы Петра, в которых видел путь к подлинному возвышению России. В 1720 г. Бужинский стал префектом Славяно-греко-латинской академии. На первом заседании учрежденного Петром Святейшего Синода в феврале 1721 г. Бужинский был назначен одним из советников Синода и протектором школ и типографий [167, с. 246].

После смерти Петра большинство в Синоде получили противники реформ. Наиболее влиятельным из них был ростовский архиепископ Георгий Дашков. Сподвижники Петра Феофан Яновский, Гавриил Бужинский и другие подвергались нападкам и постепенно были отстранены от активной деятельности. Так, по обвинению в ереси Яновский был лишен сана и заточен в тюрьму Николо-Карельского монастыря, где и умер через четыре месяца. В 1726 г. Бужинский подвергся опале и был назначен епископом в Рязань. В Рязани он проявил себя подлинным ревнителем просвещения. В частности, он восстановил деятельность славяно-греко-латинской школы, ко времени его приезда прекратившей существование из-за недостатка учителей.

2.1.8. Итоги просветительских начинаний Петра

Подводя итоги петровским реформам, Ключевский подчеркивал, что все они входили «составными частями в общий и широкий план – образовывать, обличать русских людей внутри и снаружи по подобию просвещенных народов, дать им наружности, управлению, мышлению и самому общежитию склад, не отчуждающий, а сближающий с европейским миром» [94, т. 4, с. 249].

Составить и реализовать столь «общий и широкий» план было абсолютно необходимо, поскольку к началу петровского правления Россия во всех отношениях существенно отставала от ее конкурентов. Такую Россию было невозможно «вздернуть на дыбы» подобно могучему коню, увековеченному Фальконе. Предстояла кропотливая и продолжительная реформаторская деятельность. О том, как широко и возвышенно Петр ставил задачи, ярко свидетельствует тот факт, что даже в полиции он видел «душу гражданства и всех добрых порядков». В Уставе Гражданского магистрата о роли полиции в общественной жизни было сказано: «...Оная спешествует в правах и правосудии, рождает добрые порядки и нравоучения, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет, принуждает каждого к трудам и честному промыслу, чинит добрых домостроителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне и приносит довольство во всем потребном жизни чело-

веческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах и все явные прегрешения, призывает нищих, бедных, больных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных, по заповедям Божиим воспитывающих в целомудренной чистоте и честных науках...» (цит. по [89, с. 192]).

Длительный период самоизоляции привел страну в такое состояние, когда все передовое (науку, образование, корабельное дело и т.п.) приходилось импортировать.

Петра упрекали, что он ошибался в последовательности предпринимаемых преобразований. Например, С.С. Демидов в [55] описывает историю о том, что Петра отговаривали от создания Академии наук, «советовали начинать насаждение наук и просвещения в государстве совершенно с другого конца: организовать сеть начальных школ, следом училищ более высокого уровня, наиболее способных их выпускников отправлять учиться за границу, возвратившиеся впоследствии могут организовать и высшие школы, из которых начнут выходить ученые. Вот тогда можно думать и об учреждении Академии». Учреждать же Академию в неграмотной стране – это то же самое, «что выстроить водяную мельницу, не подведя к ней вначале воду». На это Петр, якобы, ответил: «Я свой народ знаю. Если действовать так, как вы предлагаете, то ничего никогда и не будет. Вот я мельницу построю, тогда может быть к ней и воду подведут».

Здесь мы видим, что Петр очень заботился о том, чтобы его предприятия были наполнены внятным смыслом. Действительно, зачем подводить воду к какой-то никому неведомой мельнице? Иное дело, когда она будет работать, движимая водой хотя бы из небольшой речки. Тогда будет понятно, что нужно вести к мельнице полноводный канал.

В результате петровских реформ стала формироваться российская система образования. Она создавалась как профессиональная, ее целью была подготовка кадров для неотложных нужд армии, флота и государственного управления. Высшими учебными заведениями классического типа в то время были только Славяно-греко-латинская академия в Москве и Киевская духовная академия.

Символично, что проект Российской академии Петру помогал разрабатывать Лейбниц, что в списке обязательной рассылки экземпляров второго издания «Начал», составленном Ньютоном, на первом месте значилось: «б – царю для него самого и для главных библиотек Московии». Символично и то, что Лейбниц обращался к Петру с просьбой выяснить, отделена ли Азия от Америки. Все такие факты мы воспринимаем как признание огромного просветительского значения реформ Петра.

Пушкин в записке «О русской истории XVIII в.» писал: «По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, все еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного» [160, т. 7, с. 191]. Поэт крайне негативно оценивал деятельность «безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона и сладострастной Елисаветы»: «Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностью подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе» [160, т. 7, с. 191].

В 1854 г., в тяжелое время Крымской войны, Грановский^[63] писал Герцену: «Чем более живем мы, тем колоссальнее растет перед нами образ Петра» [41, т. 3, с. 484]. Его отличие от государей XVII в. заключалось в том, что его предшественники «мало заботились о распространении знаний в народе, а Петр считал это одним из главных своих дел. ...он дал своему народу полную возможность материального и духовного общения со всем цивилизованным миром» [152, с. 440]. Как, когда и в какой степени народ воспользовался этой возможностью и какую роль в этом играла власть, составляет предмет дальнейшего изложения.

2.2. После Петра до Елизаветы (1725–1741 гг.)

Первые годы после смерти Петра заметную просветительскую роль продолжали играть некоторые члены его «ученой дружины», в первую очередь, Василий Никитич Татищев (1696–1750). Мы знаем Татищева как первого российского историка, автора «Истории Российской с самых древнейших времен». Но помимо этого, он был выдающимся просветителем и автором ряда педагогических работ.

Просветительская деятельность Татищева. В 1720–1723 гг. и 1734–1737 гг. Татищев управлял уральскими казенными заводами. С самого начала одним из главных направлений его многообразной деятельности стала организация школьного дела. Поскольку Татищеву не удалось уговорить владельцев заводов создать школы при их заводах, всю энергию он направил на создание школ при казенных предприятиях. В 1721 г. были организованы казенные школы для детей рабочих при Кунгурском и Уктусском заводах, в 1734–1737 гг. – горнозаводские школы и училища в Екатеринбурге, Соликамске, Каменске. В школах обучали чтению, письму, арифметике и геометрии. Поскольку не на всех заводах были учителя арифметики и геометрии, обучение этим предметам Татищев возложил на «надзирателей работ тех заводов». Начальное образование дополнялось специальной подготовкой, необходимой для конкретных производственных нужд и предназначенной не только детям, но и взрослым заводским работникам «от нижнего ремесленника и до высшего начальника» (цит. по [105, с. 235]). Таким образом, татищевские школы были первым опытом государственного начального профессионально-технического образования.

Количество учащихся быстро возрастало, поэтому потребовались инструкции по организации *массового* обучения. В 1736 г. Татищев написал инструкцию под названием «Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать». Инструкция содержала указания, касающиеся всех сторон школьной жизни, содержания, методов и организации школьного обучения (подробнее см. [39, с. 445] и [105, с. 232–236]). Это было первое в России пособие для учителей. Помимо инструкции, Татищев написал еще несколько работ, в которых изложил свои взгляды на просвещение и образование народа: «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ», «Записку об учащихся и расходах на просвещение в России» и «Духовную моему сыну».

Часть школ, организованных Татищевым, продолжали действовать и после его отъезда с Урала, а Екатеринбургское горное училище в течение XVIII в. было главным центром подготовки технических кадров для промышленности Урала и Сибири. Однако без поддержки властей опыт обучения детей ремесленников и рабочих не получил распространения.

В царствование Анны Иоанновны (1731–1740) правительство выделяло небольшие средства Академии наук и Славяно-греко-латинской академии, заботилось о печатании книг, пыталось претворить в жизнь некоторые замыслы Петра, в частности, оживить деятельность Академического университета и гимназии.

На выделенные правительством деньги в 1739 г. по проекту академика Ж.-Н. Делиля была построена астрономическая обсерватория (с 1839 г. получила название Пулковской). Качеством оборудования обсерватория не уступала лучшим обсерваториям Европы. Ее первым директором был назначен Делиль. Он положил начало систематическим астрономическим наблюдениям и точным геодезическим работам, руководил составлением генеральной карты России, для чего разработал специальную картографическую проекцию (так называемую проекцию Делиля).

В первые десятилетия существования Академии наук, университета и гимназии значительную роль сыграл немецкий ученый Г.В. Крафт.

Георг-Вольфганг Крафт. Георг Крафт (1701–1754) окончил Тюбингенский университет, получил степень магистра и в конце 1725 г. приехал в Петербург для работы в Академии наук. В 1731 г. Крафт был назначен академиком по кафедре «генеральной математики», в 1733 занял кафедру физики, а в 1738 г. стал инспектором Академической гимназии.

Благодаря усилиям Крафта и стараниями умельцев академических мастерских (руководителем мастерских был знаменитый токарь Петра I, замечательный механик и изобретатель А.К. Нартов) был создан Физический кабинет, укомплектованный лучшими для того времени приборами и инструментами.

Крафт написал несколько учебных и научно-популярных книг: «Начальные основания учения о природе», «Введение к математической и естественной географии», «Начертание открытого прохождения опытная физики, преподаваемой при Академии наук в пользу ее любителей», «Краткое начертание физики» и др. Он придавал большое значение эксперименту и во время своих лекций широко применял демонстрации физических опытов. В 1744 г. Крафт подал прошение об увольнении и вернулся на родину в Тюбингенский университет.

Так как дворяне отдавали в академическую гимназию своих детей очень неохотно, с 1729 г. в нее стали принимать детей солдат, ремесленников и даже крепостных. При таком составе учащихся трудно было ожидать, что ученики доучатся в ней и будут поступать в университет. А ведь главным назначением гимназии была подготовка к университету. Поэтому нужно было иметь постоянный состав обязательных слушателей для прохождения полного курса и поступления в университет. С этой целью в 1735 г. было учреждено 20 казенных стипендий для учащихся, которых должны были обучать естественным наукам профессора Академии.

Стипендиатов отбирали в разных учебных заведениях, в первую очередь, в Славяно-греко-латинской академии. В числе двенадцати наиболее способных и подготовленных учеников старших классов академии 1 января 1736 г. в Петербург прибыл Ломоносов. Он описывал печальное состояние Петербургского академического университета: «...ни образа, ни подобия университетского не видно». Профессора часто манкировали лекциями, студенты набирались, как рекруты, преимущественно из других учебных заведений, и большей частью оказывались «гораздо не в хорошем состоянии принимать от профессоров лекции» (цит. по [94, т. 5, с. 165]).

В Петербурге Ломоносов пробыл лишь восемь месяцев. В сентябре 1736 г. с двумя товарищами (Райзером, сыном президента Берг-коллегии, и Виноградовым, с которым Ломоносов сдружился еще в Москве) он отправился в Германию для совершенствования в области химии, горного дела и металлургии. Через пять лет Ломоносов вернется другим человеком и в другую Россию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.